

The background of the entire page is a deep purple, evoking a night sky. It is filled with numerous small, multi-colored stars (red, blue, green, yellow) and larger, glowing yellow stars. A small, white crescent moon is positioned to the right of the author's name. At the bottom of the page, there is a silhouette of a dense forest of evergreen trees, rendered in shades of dark purple and blue.

Джеймс Кервуд

В дебрях севера

6+

Джеймс Оливер Кервуд

В дебрях севера

«Автор»

1922

Кервуд Д.

В дебрях севера / Д. Кервуд — «Автор», 1922

Синеглазая красавица Нейда, ее возлюбленный Роджер Мак-Кей, а также их верный друг молодой пес Питер, не раз выручавший их в минуты опасности, — главные герои этой книги. Капрал королевской конной полиции канадского Севера Теренс Кассиди и Веселый Роджер ведут честную игру, и бесстрашный разбойник не сомневается в благородстве своего беспощадного врага. Они голодают, замерзают в снежных пустынях и суровых и прекрасных лесах Канады, но ни тот, ни другой не сдаётся. Кассиди продолжает погоню, а Веселый Роджер Мак-Кей отстаивает свободу, стремясь воссоединиться со своей любимой.

© Кервуд Д., 1922

© Автор, 1922

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	26
Глава 6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Джеймс Кервуд В дебрях севера

Глава 1

Неподалеку от сурового северного берега озера Верхнего, где вечно бушуют ветры, к югу от Каминистиквии, хотя и не южнее Рейни-ривер, в глухих лесах прятался райский уголок, который был «сущим адом».

Во всяком случае, так назвала его героиня нашей повести, когда однажды она, не выдержав, сквозь слезы жаловалась самой себе на свою тяжкую судьбу. Правда тогда у неё ещё не было Питера, но и когда он появился, ад всё равно остался адом.

Однако посторонний наблюдатель, если бы он в этот чудесный весенний день тридцатого мая поднялся на лысый Гребень Крэгга, ни за что не догадался бы, что в открывшемся перед ним раю таится ад. Зимой он увидел бы простирающиеся на сотню квадратных миль занесённые снегом леса, болота и речные долины, где в тёмной оправе из елей, кедров и сосен там и сям поблескивают закованные в лёд озера; он увидел бы перед собой край буранов и глубоких сугробов, край людей, чья кровь горяча от вечной борьбы с дикой природой и от неиссякаемой радости побед над ней.

Но теперь была весна – и такая, какой канадский Север не видел уже много лет. Ещё три дня назад шли теплые ливни, а потом на землю хлынули золотые, по-летнему жаркие солнечные лучи. От морозного дыхания зимы не осталось и воспоминания, согрелась даже дно самых глубоких и чёрных трясин. На севере, на юге, на востоке и на западе лесные дебри закипали новой жизнью, и на смену весне уже спешило лето. Оранжевые, зелёные и чёрные хребты убежали в неведомую даль, точно волны гигантского моря, а между ними лежали долины и болота, озера и речки, и всюду звучала смешливая песенка струящейся воды, всюду веяло благоуханием первых цветов, всюду раздавались веселые голоса птиц и лесного зверья.

Упомянутый выше рай расстилался под Гребнем Крэгга – сочные луга тянулись до самых берегов Прозрачного озера, и над этим океаном буйных трав островками поднимались тополиные и берёзовые рощицы, перемежающиеся темными ельниками. Цветы распустились на две недели ранее положенного срока, луга источали ароматы, более обычные для конца июня, чем для мая, и среди бархатистой зелени древесных ветвей уже появлялись первые гнезда. На краю ельника, расплатившись лежал Питер. В его сердце жила страсть к приключениям, и в этот день он предпринял дерзкую экскурсию, на какие ещё не разу не решался за всю свою коротенькую жизнь. Впервые он в одиночку отправился к Прозрачному озеру, до которого от дома было около полумили, храбро исследовал жёлтую полоску пляжа, ещё хранившую следы ног его хозяйки, и смело затыкал на безграничный простор мерцающего озера и на белых чаек, которые кружили у него над головой, высматривая выброшенную на берег рыбу. Питеру исполнилось три месяца. Ещё вчера он был робким щенком, и всё вокруг казалось ему огромным, непонятным и страшным; сегодня же он рискнул в одиночку спуститься по тропинке к озеру, он таялся, но никто не посмел выйти с ним на бой, и его сердце исполнилось великим мужеством и столь же великим любопытством.

Вот почему на обратном пути он остановился на опушке густой поросли бальзамических елей и припал к земле, устремив жадный взгляд блестящих глазенок в густую лесную тень, стараясь угадать, какие тайны кроются в этих неведомых мрачных глубинах. Этот лесок рос в небольшой круглой впадине, и ружейная пуля могла бы легко пронизать его из конца в конец, но Питеру он казался бесконечным, как сама жизнь. И что-то манило его войти туда. Любопытство и нерешительность боролись в душе щенка, но он и не подозревал, что от победы того

или иного – храбрости или трусости – зависит не только его собственное собачье будущее, но и другие более важные судьбы – судьбы людей, мужчин и женщин, и даже ещё не рождённых детей. Некогда стакан вина погубил целое царство, гвоздь решил исход жесточайшей битвы, а из-за женской улыбки были разрушены дома тысячи людей. Вот так пустячные предметы и события порой влияют на ход человеческой жизни, но Питер не знал об этом и не догадывался, что наступила его минута.

В конце концов он поднялся и твердо встал на все четыре лапы. Его никак нельзя было называть красивым щенком – этого Питера Piéd-Bot, Питера-Хромулю, как называл его Весёлый Роджер Мак-Кей (который жил у болота в кедровнике), когда подарил Питера девушке. Был он дворняжкой, да к тому же весьма неказистой. Его отец, боевой эрдельтерьер самых голубых кровей, как-то удрал с псарни, влюбившись в большелапую и добродушную канадскую гончую. Так на свет появился Питер. В три месяца на его мордочке уже топорщились свирепые баки, унаследованные от отца-эрделя; уши у него были большие и обвислые, хвост узловатый, а длинные неуклюжие лапы – такими тяжёлыми и нескладным, что они то и дело заплетались и он тыкался носом в землю. При первом взгляде на него человек испытывал жалость, вскоре переходившую в горячую симпатию. Пусть Питер был некрасив, но зато в его жилах смешалась кровь двух прекраснейших собачьих пород. Впрочем, в некоторых отношениях такая смесь напоминала смесь нитроглицерина с оливковым маслом или динамита и селитры с молоком и мёдом.

Когда Питер шагнул в черную тень, его сердечко отчаянно забилося, и он старательно проглотил слюну, словно в горле у него стоял комок. Но решение его было бесповоротно. Что-то неотвратимо влекло его вперёд, и он подчинился этому неслышному зову. Над ним медленно сомкнулся непроницаемый сумрак, и вновь шутница-судьба избрала самое нехитрое орудие, чтобы потом с его помощью творить радость и горе в человеческой жизни.

Когда тьма поглотила Питера, его уши стали торчком и жёсткая шерсть на загривке вздыбилась. Но он не залаял, как лаял сегодня на берегу озера и среди зелени лугов. Дважды он оглянулся через плечо на чуть брезжащей позади солнечный свет, который с каждым его шагом становился всё более тусклым. Но и это неясное пятно, говорившее о том, что путь к отступлению открыт, поддерживало мужество Питера, которое стало быстро убывать в нарастающем мраке. Однако, когда он оглянулся в третий раз, сзади была уже только тьма! На мгновение в его горле, мешая дышать, поднялся тугой комок, а глаза превратились в два огненных кружка – с таким напряжением он вглядывался в темноту. Даже его хозяйка, которая не страшилась ни чего не свете, пожалуй, тоже бы остановилась тут в безответно испуге. А Питеру казалось, что солнце внезапно погасло совсем. Мохнатые лапы хвойных деревьев над его головой сплетались в единый непроницаемый полог. Зимой сюда не проникал снег, а летом даже самые яркие солнечные лучи превращались здесь в призрачный сумрак.

Питер думал теперь только о том, как бы убраться отсюда восвояси, но тут он стал различать в окружающей тишине незнакомые и непонятные звуки. Самым непонятным и самым жутким были шипение, которое раздавалось то в отдалении, то совсем близко и сопровождалось странным пощелкиванием, от которого кровь стыла у него в жилах. Дважды после этого над ним возникала тень огромной совы, и он припадал к земле, чувствуя, что комок в горле растёт и становится все более тугим. Потом Питер услышал среди сплетения веток над его головой мягкое движение больших оперенных тел, и тогда он медленно и осторожно повернулся на животе, решив как можно скорее выбраться на луг, где по-прежнему сиял день. И в этот миг его сердце сжалось от невыразимого страха: перед ним на пути, который вёл к дневным просторам, горели два пронзительно-зеленых огонька.

Не рассудок и не опыт, а инстинкт подсказал Питеру, что эти два зелёных кружка, светящиеся в темноте, не предвещают ему ничего хорошего. Правда, он не знал, что его собственные выпученные глаза казались в этом тёмном тоннеле не менее страшными, и главное, он не знал,

что распространяет вокруг себя нечто наводящее смертельный ужас – запах собаки! Зелёные глаза продолжали смотреть на него, и его неуклюжие лапы подогнулись, спина словно переломилась пополам, и он упал в мягкую хвою, ожидая гибели. Но тут зелёные огоньки погасли. Потом снова зажглись, но уже подальше. Опять погасли. А когда вспыхнули в третий раз, то были уже похожи не на кружки, а на две светящиеся точки. Питер ощутил невероятное торжество. Инстинкт, унаследованный от предков-эрделей, сказал ему, что неведомый враг обратился в бегство. И Питер победоносно тявкнул.

На этот звук мрачная чаща, полная затаившихся тварей, ответила жуткими морозами в перепутанных ветвях, непонятным ропотом шепчущихся голосов, зловещим щёлканьем клювов, которые могли разорвать тощее тельце Питера на мелкие кусочки. В глубине леса раздался сильный треск и насмешливое бормотание дикобраза, в потом вопросительный вопль: «У-у-уу-ух?!». Питеру сначала даже показалось, что это кричит человек. И он вновь, дрожа, припал к толстому хвойному ковру: его сердце отчаянно билось о ребра, баки стали дыбом от смертельного страха. Затем наступила тревожная, находящая ужас тишина, и в этом ледяном безмолвии Питер тщетно вертел головой, стараясь увидеть хотя бы отблеск исчезнувшего солнечного дня. И вдруг, принося с собой надежду, до него долетел новый шепот, тихий и неясный, но совсем не похожий на прежние звуки. Где-то еле слышно журчала вода. Питеру было знакомо это дружелюбное журчание. Он не раз играл на гальке, песке и камнях там, где оно рождалось. Мужество вернулось к нему, он поднялся и пошел туда, откуда доносился этот звук. Что-то подсказывало ему, что ступать надо очень осторожно, но неуклюжие толстые лапы упрямо разъезжались и он несколько раз падал носом в хвою. Наконец он добрался до ручейка, который плескался и играл на обнаженных древесных корнях – такой узенький, что высокий человек без труда перешагнул бы через него. И тут Питер увидел впереди свет. Он пустился бегом и вскоре выбрался на луг, где под синим солнечным небом по-прежнему благоухали цветы, зеленела трава и весело пели птицы.

Питер забыл пережитый страх. Комок в горле исчез, сердце вернулось на обычное место, и щенок уже неколебимо и яростно верил, что успел победить всех на свете. Он оглянулся на тёмный проход под еловыми ветками, из которого выбегал смешливый ручей, и неторопливо затрусил прочь, вызываясь огрызаясь. На безопасном расстоянии он остановился и посмотрел по сторонам. За ним никто не гнался, и это подтверждало, что он совершил великий подвиг. Питер весь раздулся от гордости; воинственно упёршись передними лапами в землю, он вынул спину и залился самым грозным своим лаем. Он лаял, скреб лапами землю, рвал траву острыми щенячьими зубами – и всё таки никто не посмел выйти из тёмной чаши в ответ на его вызов.

Задрав голову и поставив уши торчком, Питер неторопливой рысцой взбирался по склону, впервые за всю свою трёхмесячную жизнь пылая желанием задать кому-нибудь трёпку – всё равно кому. Он стал другим, и теперь ему уже было мало грызть палки или камни и трепать кроличью шкурку. Когда Питер выбрался из впадины, он остановился и, глядя вниз, громко тявкнул – ему уже почти хотелось вернуться в эти тёмные заросли и разогнать всех их обитателей. Потом он повернулся к Гребню Крэга, и его боевой задор внезапно угас, а заданный хвост опустил, так что узловатый кончик коснулся земли.

Ярдах в четырёхстах от него из райской ложбины, которая переходила в расселину, разделявшую два отрога Гребня, поднимался белый дымок. Увидев дым, Питер тут же расслышала и стук топора. Его пробрала дрожь, но он всё-таки пошёл на этот стук. Он был ещё слишком мал, чтобы ненавидеть по-настоящему, и к тому же унаследовал кроткое добродушие своей матери, но тем не менее каждый раз, когда Питер слышал стук этого топора, в его смышлённой головёнке зрели тревожные мысли и он чувствовал приближение опасности. Ведь стук этот у него неразрывно был связан с похожим на кошку остролицым человеком, у которого по верхней губе тянулась полоска рыжей щетины, а один глаз никогда не открывался. И Питер

научился бояться одноглазого гораздо больше, чем он боялся призрачных чудовищ, скрытых в чёрной пропасти леса, куда он сегодня так отважно вошёл.

Однако совы, дикобраз и убежавшая от него лиса с горящими глазами научили Питера чему-то, чего он ещё не знал накануне, и, подойдя к краю ложбины, щенок не прильнул к земле, а остался стоять на своих кривых лапах и смело устремил взгляд вперёд. По ту сторону ложбины, у западного отрога, среди высоких кедров, ярко-зелёных тополей и белостволых берёз виднелась бревенчатая хижина. Это был прелестный уголок. Между тем местом, где остановился Питер, и хижинкой простилался бархатистый зелёный ковёр, усеянный цветами и источающий аромат фиалок и дикой жимолости, а над ним звенело птичье пение. Через лужайку бежал ручеёк и исчезал в скалистой расселине, а на его берегу стояла хижина, увитая диким виноградом. Но настороженные глаза Питера не видели этой красоты, его уши не слышали ни птичьих трелей, ни болтовни рыжей белки, которая расположилась на пне по соседству. Он смотрел туда, где позади хижины на лесной опушке поднималась большая белая скала, похожая на гигантский гриб, а слышал он только удары топора, хотя и напрягал слух, стараясь уловить, не раздастся ли голос, который он любил больше всего на свете.

Не услышав этого голоса, он подавил желание заскулить, спустился к ручейку, перешёл его вброд и тихонько подкрался к хижине, приглядываясь и прислушиваясь, готовый при первом признаке опасности пуститься наутёк. Он хотел позвать девушку обычным визгливым тьяканьем, но угроза, таившаяся в стуке топора, заставила его отказаться от этого намерения. У задней стены хижины, где дикий виноград разросся особенно густо, Питер давно уже вырыл себе тайник, и теперь он нырнул в него, точно испуганная крыса в нору. Потом осторожно просунул щетинистую мордочку сквозь зелёный занавес и огляделся, проверяя, безопасно ли будет вернуться домой и много ли у него шансов получить ужин.

Но тут его сердце радостно забилося: сегодня топором стучала девушка, а не мужчина!

В нескольких шагах у большой поленицы сверкнули на солнце ее каштановые волосы, и когда она повернулась к хижине, Питер успел разглядеть ее бледное лицо. Он уже готов был броситься к ней, шалея от восторга, но его удержал ужасный голос, который всегда внушал ему невыразимый страх.

Из хижины вышел мужчина в сопровождении женщины. Мужчина был долговязым и тощим, а его лицо походило на череп. Едва он показался в дверях, Питер понял, что в этот день он был даже злее обычного. Тот, кто подошел бы к нему в эту минуту, неминуемо заметил бы, что от него разит виски. Уголки губ у него пожелтели от табака, который он постоянно жевал, а когда он мотнул головой в сторону девушки с блестящими кудрями, в его единственном глазу засветилось жестокое торжество.

– Муни обещал отвалить за нее семьсот пятьдесят долларов, когда начальство заплатит ему за шпалы, и дал мне пятьдесят долларов задатка, – объявил он. – Не задарма же я ее десять лет кормил, бездельницу. А как будет ближе к свадьбе, я из него и тысячу выжму.

Женщина ничего не ответила. Она была отучена возражать, а тем более настаивать на своем. Каждая черта безобразного лица, каждая линия костлявой фигуры одноглазого говорили о беспощадной жестокости. Женщина давно была сломлена и поработана. Ее лицо казалось безжизненным. Глаза потускнели, сердце отупело от постоянной боли, руки заскорузли и искривились от тяжелой работы, которой замучил ее безжалостный негодяй. Но даже Питер, притаившийся под домом, как мышь, понимал, что эти двое непохожи друг на друга. Он не раз видел, как девушка и женщина плакали, обнявшись. А когда он тихонько подходил к женщине, ее пальцы порой ласково гладили его и она давала ему поесть. Но он почти никогда не слышал ее голоса, если мужчина был где-нибудь поблизости.

Мужчина откусил кусок табачной жвачки.

– А сколько ей лет, Лиз? – спросил он вдруг.

И женщина ответила неестественным, придушенным голосом:

– Двенадцатого ей сравнялось семнадцать.

Мужчина сплюнул.

– Придется Муні выложить тыщонку. Мы же ее десять лет кормили, а Муні по ней с ума сходит. Ничего, раскошелится!

– Джед... – Голос женщины стал почти звонким. – Джед... нехорошо эдак-то...

Мужчина захохотал. Он широко разинул рот, и на солнце блеснули пожелтевшие клыки. Девушка опустила топор и, повернув голову, посмотрела на пару в дверях.

– Нехорошо? – гоготал мужчина. – Нехорошо? Ты мне то же самое десять лет твердишь насчет тайной продажи виски, а я продавал и продаю. Верно? И это твое слово не помешает нам с Муні договориться насчет свадьбы... если, конечно, Муні раскошелится на тыщонку. – Тут он повернулся к жене и занес руку, словно для удара. – А если ты ей скажешь... если хоть вот на столечко меня выдашь, я тебе все кости переломаяю! Разрази меня на этом месте, если не так. Поняла? Ничего ей не скажешь?

Сутулые плечи женщины сторбились еще больше.

– Я не скажу, Джед... право слово.

Мужчина хрипло хмыкнул и опустил занесенную руку.

– Ну смотри, а не то тебе не жить, – пригрозил он.

Девушка бросила топор на землю и пошла к ним. Она была худенькой и стройной, а гордо вскинута голова и упрямый подбородок свидетельствовали о том, что одноглазому еще не удалось превратить ее в забитое и покорное существо, подобное его жене. На ней было надето вылинявшее ситцевое платье, обтрепанное по швам и с подрезанными рукавами, так что ее тонкие белые руки были открыты выше локтя. Ее чулки пестрели штопкой и заплатками, а старые башмаки совсем прохудились.

Однако Питеру, который с обожанием созерцал ее из своего тайника, она казалась прекраснейшим в мире созданием. Правда, Веселый Роджер говорил то же самое, да и большинство мужчин (как, впрочем, и женщин) согласилось бы, что эта худенькая девочка была красива красотой, способной долго противостоять горестям и физическим мукам. Глаза у нее были синие, как фиалки, в которые Питер так недавно уткнулся носом. А ее чудесные волосы, пока она колола дрова, выбились из плена, в котором их держала выцветшая лента, и рассыпались по плечам. При виде этих густых каштановых кудрей, достигавших талии, даже в единственном глазу Джеда Хокинса порой вспыхивало восхищение. Но и тогда он продолжал ее ненавидеть, и не раз его костлявые пальцы злобно вцеплялись в эти сверкающие кудри, но лишь очень редко ему удавалось вырвать у Нейды крик боли. И теперь, когда она увидела лютую злобу на лице одноглазого, ее гордое сердце не дрогнуло, хотя по телу и пробежал холодок.

И все же эта вечная пытка уже начинала сказываться на ней. В синих глазах застыла тревога, лицо утратило краски, побледнело и осунулось, а яркие алые губы свидетельствовали не о здоровье и счастье, но лишь оттеняли бледность щек, напоминая об исчезнувшем румянце.

Она остановилась перед Джедом Хокинсом на таком расстоянии, что он не мог дотянуться до нее.

– Я же говорила тебе, чтобы ты больше никогда не смел поднимать на нее руку! – вскричала она, с трудом сдерживая ярость, а ее синие глаза метали в него молнии ненависти и презрения. – Если ты ударишь ее еще хоть раз, то... то будет плохо! Раз уж тебе надо кого-нибудь бить, бей меня. Я выдержу. А она... погляди сам! Ты сломал ей плечо, ты ее искалечил – и как это тебя еще земля носит!

Мужчина в бешенстве сделал шаг вперед. Где-то в самой глубине своего существа Питер ощутил нечто новое и незнакомое. Желание без оглядки бежать от этого человека вдруг исчезло. Худая маленькая грудь напряглась, а за ней горло, и щенок издал рычание – правда, такое тихое, что человеческий слух не мог его уловить. У себя в тайнике Питер злобно оскалил острые зубы.

Однако мужчина не нанес удара и не протянул руку, чтобы схватить Нейду за шелковистые кудри. Он засмеялся придушенным смешком и отвернулся, пожав плечами.

– Я ведь не ударил ее, Нейда, верно? – сказал он и скрылся за углом хижины.

Девушка взяла женщину за руку. Злость исчезла из ее глаз, но она вся дрожала.

– Я его предупредила, что будет, и он теперь не посмеет тебя и пальцем тронуть, – мягко сказала Нейда. – А не то ему придется плохо. Уж я об этом позабочусь. Я донесу в полицию. Я покажу им все тайники, где он прячет виски. Я... я засажу его в тюрьму, пусть мне потом не жить!

Исхудалые пальцы женщины стиснули руку Нейды.

– Нет, нет, и не думай об этом, – произнесла она умоляюще. – Когда-то он был со мной ласков, давным-давно это было, Нейда. Джек, он не такой уж и злой, это все виски виновато. Не доноси на него, Нейда. Слышишь, не доноси!

– Я же тебе обещала, что не донесу, если он перестанет тебя бить. Пусть дерет меня за волосы, коли ему нравится. Но если он ударит тебя...

Она судорожно вздохнула и тоже скрылась за углом хижины.

Питер подождал, прислушиваясь. Потом он скользнул тайной дорожкой под пологом дикого винограда и увидел, что Нейда быстро идет по направлению к расселине, прорезающей Гребень. Он последовал за ней так тихо, что она заметила его присутствие, только когда уже пробиралась по каменной россыпи среди скал по ту сторону отрога. С радостным криком девушка схватила щенка и прижала его к груди.

– Питер, Питер, где же это ты разгуливал? – спросила она. – Я тебя повсюду искала, и Роджер тоже... то есть мистер Веселый Роджер.

Питер почувствовал, что его обняли еще крепче, и расслабленно повис на руках хозяйки, которая тем временем добралась до прятанной среди скал группы карликовых бальзамических елей. Это был их «уголок», и Питер давно понял, что должен свято хранить его секрет. Тут Нейда устроила для себя тайный приют, и теперь она опустилась на кучу еловых веток и усадила перед собой Питера, придерживая его за передние лапы. В ее глазах зажегся новый свет, и они сверкали, как звезды. Щеки ее разругались, алые губы полуоткрылись, но Питер, который в конце-то концов был только собакой, не мог постигнуть, какой красивой она стала. Однако он понял, что произошло какое-то событие, и изо всех сил старался понять, какое именно.

– Питер, он опять приходил сюда сегодня – мистер Роджер, мистер Веселый Роджер, – зашептала девушка, и ее щеки порозовели еще больше. – И он сказал мне, что я очень хорошенькая!

Она глубоко вздохнула и посмотрела через скалы туда, где в долине чернел лес. Ее пальцы под косматыми лапами Питера сжались так сильно, что он тихонько заворчал.

– И он спросил меня, можно ли ему потрогать мои волосы... Подумай только, Питер, он спросил меня об этом! А когда я сказала «да», он только чуть-чуть к ним прикоснулся, точно боялся чего-то, и сказал, что они чудесные и что я должна за ними хорошенько ухаживать!

Питер заметил, что на горле у нее забила жилка.

– Питер... он сказал, что не обидел бы меня ни за что на свете, что он скорее даст отрубить себе руку! Вот что он сказал. А потом сказал, что если я позволю, он хотел бы меня поцеловать...

Она снова обняла Питера.

– А... а я сказала ему, что, наверное, это можно, потому что он мне нравится и никто другой меня никогда не целовал и... и, Питер, он меня не поцеловал! А когда он уходил, он был как-будто не в себе – лицо у него стало совсем белое... И с той минуты у меня внутри все время что-то поет. Я не знаю, что это, Питер, но оно тут!

Помолчав немного, она прошептала:

– Знаешь, Питер, хорошо бы мистер Веселый Роджер увез нас с тобой отсюда далеко-далеко.

Тут она сжала губы, нахмурилась и, посадив Питера рядом с собой, вновь посмотрела через долину на темный лес, в глубине которого пряталась хижина Веселого Роджера.

– Почему он не хочет, чтобы люди знали, что он там живет, а, Питер? – произнесла она задумчиво. – Он поселился в старой лачуге, где в ту зиму помер индеец Том... то есть умер, – поправилась она. – И я обещала, что никому не скажу. Он говорит, что это тайна и что о ней знаем только ты, я да миссионер на Быстром ручье. До чего же мне хочется как-нибудь прибрать у него в хижине!

Питер тем временем принялся обнюхивать щели между камнями и не видел, как синие глаза вдруг сердито засверкали. Девушка смотрела на свои рваные башмаки, на штопаные-перештопаные чулки, на жалкое вылинявшее платье, и ее пальцы судорожно сжались в кулачки.

– Я бы так и сделала... Я бы уехала отсюда куда глаза глядят и не вернулась бы никогда, если бы не она... Она теперь обходится со мной хуже ведьмы, только это все Джед Хокинс виноват. Я ведь помню...

Внезапно она вскочила на ноги и вызывающе потрянула головой, так что ее волосы солнечным облачком взметнулись под порывом ветра.

– Когда-нибудь я его убью! – крикнула она темному лесу по ту сторону долины. – Да, убью!..

Глава 2

Нейда шла за Питером. Уже давно в ее измученной душе зрела буря, хотя до сих пор только Питер бывал свидетелем грозových вспышек. Но в этот день она не сумела промолчать и тихим, бесчувственным голосом рассказала Веселому Роджеру (чужаку, поселившемуся в лесной чаще) о том, как десять с лишним лет назад ее родители умерли от какой-то заразной болезни, и о том, как Джек Хокинс и его жена обещали заботиться о ней за три чёрно-бурые шкурки, которые ее отец добыл незадолго до начала морового поветрия. Все это она слышала от женщины – ведь самой ей в то время было всего шесть лет. Рассказывая Веселому Роджеру о том, что было дальше, она не осмелилась поднять на него глаза и поэтому не видела, как все больше темнело его лицо. Но он громко хмыкнул. У него была такая привычка, однако Нейда только недавно познакомилась с ним и не знала, что это означает. Вот тогда-то он и попросил разрешения потрогать ее волосы, и его большая ладонь на мгновение с женской ласковостью коснулась ее головы.

Воспоминание об этом прикосновении все еще согревало ее сердце. Оно давало ей новое мужество и не изведанную прежде радость – такие же, какие подарила Питеру его недавняя победа над невидимыми чудовищами. Питер теперь ничего не боялся, и Нейда тоже. Они вошли в узкое ущелье, загроможденное скалами. Тут Питер внезапно застыл на месте, опустив нос к земле, потом его ноги напряглись, и девушка впервые услышала, как он рычит. Она остановилась, прислушиваясь, и вскоре до нее донесся тихий звук, словно кто-то скреб камнем о камень. Нейда перевела дух, выпрямилась, и Питер, взглянув вверх, увидел, что ее губы открылись, а глаза засверкали. Затем она нагнулась и подобрала с земли тяжелый сук.

– Пойдем туда, Питер, – шепнула она. – Это один из его тайников.

Сознание, что она больше не боится, пьянило Нейду, как пьянило оно и Питера, чье сердечко быстро забилося, когда он последовал за хозяйкой. Ступали они очень осторожно – девушка шла на цыпочках, а у Питера на лапах были мягкие подушечки, – и когда они вышли на песчаную площадку между двумя огромными скалами, Джек Хокинс, который копался в песке, стоя на коленях спиной к ним, даже не повернул головы. Еще накануне и Питер и Нейда, если бы они вот так наткнулись на него, поспешили бы незаметно улизнуть, потому что Джек был занят своим черным делом и тому, кто ему помешал бы, не поздоровилось бы. Джек выгреб из-под скалы кучу песка, достал из ямы большую бутылку и принялся наполнять шесть грязных кожаных фляг. Затем он прервал эту работу и приложился к бутылке. Щенок и девушка услышали, как виски забулькало у него в глотке.

Нейда постучала дубинкой по скале, и Джек стремительно обернулся. Когда он увидел, кто перед ним, его лицо побелело от бешенства. Вскочив на ноги, он стиснул огромные кулаки, его желтые зубы оскалились.

– Ах ты чертова шпионка! – хрипло крикнул он. – Будь ты мужчиной, ты не ушла бы отсюда живой!

Девушка даже не вздрогнула, не побледнела. Наоборот, ее щеки вспыхнули румянцем, и Хокинс увидел в ее глазах торжествующую радость. Презрительно искривив губы, Нейда сказала с насмешкой:

– Будь я мужчиной, Джек Хокинс, ты бы сразу задал стрекача!

Он шагнул к ней.

– Ты бы задал стрекача, – повторила она, глядя прямо ему в лицо и крепче сжимая сук. – Ты ведь бьешь только женщин, малых детей да щенят, которые еще не умеют кусаться. Ты трус, Джек Хокинс, подлый, бесчестный трус и торговец краденым виски, – и как это тебя еще земля носит!

Даже Питер почувствовал, что произошло что-то сверхъестественное: самый воздух между скалами застыл, словно вот-вот должен был взорваться гигантский динамитный заряд или обрушиться мир. Питер, забыв все на свете, смотрел на свою хозяйку, такую тоненькую и маленькую, впервые готовую без страха встретить будущее, и его преданное собачье сердце угадало смысл происходящего: широко расставив большие лапы, он встал перед Джедом Хокинсом и зарычал на него.

Бутлегер на мгновение растерялся. Последние месяцы он старался не задевать Нейду, чтобы она вела себя смирно и ничего не заподозрила, пока Муни не заплатит ему обещанных денег. А потом – потом он отведет ее к Муни, и тот уж пускай сам ее обламывает, рассуждал Джед. И вот как она отплатила ему теперь за его мягкость! Она в грош его не ставит, подглядывает за ним, ругает в глаза – дармоедка, которую он десять лет кормил и поил!

Он уже не думал о ее красоте. Ее следовало хорошенько проучить, выдрать ей волосы, задать ей такую таску, чтобы на ней места живого не осталось, – тогда небось прикусит язык! Хокинс рванулся к девушке, и Питер отчаянно залаял, увидев, что Нейда замахнулась дубинкой. Но она опоздала на одно мгновение. Хокинс вышиб сук из ее пальцев, и его правая рука погрузилась в пышные мягкие локоны.

Тут словно цепь распалась в душе Питера. Он почувствовал, что появился на свет ради этого дня, ради этого часа, ради этой минуты. Весь мир теперь свелся для него к одной узкой полоске – к полоске кожи на ноге бутлегера между штаниной и башмаком. Он прыгнул. Его белые зубы, острые как иглы, впились в облюбованное местечко. И Джед Хокинс с диким воплем выпустил волосы Нейды. Питер услышал его крик и еще крепче стиснул зубы на щиколотке единственного существа, которое он ненавидел. Весь ужас того, что последовало, понял не столько Питер, сколько Нейда. Хокинс нагнулся, его сильные пальцы сомкнулись на тонкой шее Питера, и щенок, вдруг утратив способность дышать, словно собрался бросить камень.

В тот миг, когда его рука выпрямилась и тело Питера взлетело в воздух, Нейда с криком бросилась к бутлегеру. Ее дубинка опустилась на его лицо, и тут же раздался глухой и какой-то хрустящий стук – это нескладное тельце Питера ударилось о скалу. Когда Нейда обернулась, она увидела, что Питер извивается в песке – его спина и задние лапы были, по-видимому, сломаны, но он не взвизгнул, не заскулил и, не спуская с нее блестящих глаз, силился подползти к ней. Только Веселый Роджер знал, что мать Питера погибла, спасая жизнь женщине, и, наверно, в эту минуту ее дух проснулся в сердце Питера, потому что, не замечая мучительной боли, он думал только об одном: дотащить до ног девушки и умереть, защищая ее от врага. Он не понимал, что его искалеченное тельце при каждом отчаянном усилии продвигается вперед не более чем на дюйм, но Нейда догадалась об ужасной правде и со стоном, которого не вырвали бы у нее никакие побои Хокинса, бросилась к щенку, упала на колени и бережно подхватила его на руки. Затем, поднявшись, девушка с быстротой молнии повернулась к Джеду Хокинсу.

– За это я тебя убью! – задыхаясь, крикнула она. – Убью! Помяни мое слово.

Ее удар на несколько секунд ослепил единственный глаз бутлегера, но теперь он кинулся на нее, и Нейда пустилась бежать, напрягая все силы. Позади раздавались тяжелые шаги ее преследователя, хрустел песок, рассыпались камешки, и девушку охватил мучительный страх, но она боялась не за себя, а за Питера. Постепенно Хокинс отстал, ругаясь и проклиная судьбу, которая лишила его одного глаза.

Нейда стремглав выбежала из ущелья на простор лугов, ее волосы развевались, руки сжимали тельце Питера» Щенок заскулил тихо и жалобно; Нейда вдруг вспомнила, что точно так же плакал ребенок – умиравший пятимесячный младенец. Из ее груди вырвался мучительный крик, так как она решила, что Питер тоже умирает. Спотыкаясь, она продолжала бежать в сторону черной стены леса, прижимала лицо к мордочке Питера и со слезами повторяла его имя:

– Питер... Питер... Питер...

А Питер, который даже и в эту минуту был бесконечно счастлив, потому что чувствовал ее любовь и слушал звук ее голоса, высунул язык и благодарно лизнул ей щеку. Нейда громко всхлипнула.

– Не бойся, Питер, – шептала она. – Не бойся, маленький... Он тебя больше не тронет, а мы уйдем за ручей в хижину мистера Роджера. И тебе там будет хорошо. Тебе там будет очень хорошо...

Она судорожно зарыдала, и ее сердце, переполненное материнской нежностью, словно разорвалось в ее груди. А щенок, инстинктивно чувствуя всю силу этой сроднившей их любви, крепче прижался колючей мордочкой к ее щеке, тихонько повизгивая. Он не боялся умереть, пока его держали эти теплые ласковые руки.

– Не плачь, маленький, – уговаривала Нейда. – Не плачь, Питер. Скоро все будет хорошо... да, хорошо...

Она снова всхлипнула, рыдания душили ее, и она больше не сказала ни слова, пока они не добрались до опушки дремучего леса.

Тут Нейда взглянула на Питера и увидела, что он закрыл глаза. И вдруг ей почудилось какое-то сходство между его щетинистой мордочкой и бледным личиком умиравшего младенца.

– Я тебя выхожу, Питер. Мистер Роджер тебя вылечит, – шепнула она.

Но она знала, что говорит неправду, – никто уже не мог помочь Питеру. Она глядела на неподвижную мордочку щенка, и ее сердце сжималось от тягостного предчувствия неизбежной утраты: ведь у Питера был сломан хребет и он умирал – умирал у нее на руках. Но Нейда продолжала быстро бежать по сумрачной лесной тропе – она хотела добраться до хижины Веселого Роджера за ручьем у болота, пока сердце Питера еще не остановилось. Она не надеялась, что Роджер может спасти Питера, но ей казалось, что и щенку и ей станет немного легче, если рядом будет Веселый Роджер. Ведь эта весна была первой радостной весной в ее жизни, ибо знакомство с человеком, тайно поселившимся в лесной хижине, скрасило ее безрадостное существование, пробудило в ней надежду, и они с Питером считали, что лучше его нет никого на свете.

Когда Нейда добралась до брода через Быстрый ручей, от которого до хижины оставалось еще добрых полмили, она совсем запыхалась и выбилась из сил. Вода в ручье мчалась стремительно, почти вровень с берегами; Нейда вспомнила, как Веселый Роджер предупреждал ее, что начался разлив, и ее глаза расширились от страха. Она поглядела на Питера: он беспомощно и неподвижно висел на ее руках. Нейда глубоко вздохнула и решилась. Она знала, что даже в разлив в самом глубоком месте ей здесь будет только по пояс; но слишком уж бешеным было течение.

Она прижала губы к мохнатой мордочке Питера, поцеловала его и шепнула:

– Мы переберемся на ту сторону, Питер. Мы ведь не боимся, маленький? Мы переберемся, обязательно переберемся...

Нейда храбро шагнула вперед – вода закружилась у ее щиколоток, у колен, у бедер. Потом вода достигла ее талии, и словно какие-то невидимые руки поднялись к ней со дна, схватили, потянули за собой – Нейда удержалась на ногах лишь ценой отчаянного усилия, но течение продолжало упорно тащить ее. И вот, когда девушка уже почти добралась до спасительного берега, случилось то, чего она опасалась. Нейда почувствовала, что теряет равновесие, и едва успела пробормотать какие-то слова одобрения Питеру, как ноги ее окончательно утратили опору. Что-то сильно ударило ее в бок, Нейда, придерживая Питера одной рукой, беспомощно взмахнула другой – и ее пальцы сомкнулись на сучке, торчавшем, точно ручка, над черным скользким бревном, которое обрушил на нее ручей.

– Все хорошо, Питер! – крикнула Нейда, хотя и знала, что они вот-вот утонут. – Все хоро...

Внезапно она с головой ушла под воду, а с ней и Питер, которого она продолжала судорожно прижимать к груди.

Думала она не о себе, а только о Питере. Почему-то она не боялась, хотя обычно зрелище бурных весенних разливов внушало ей робость. Вода гремела над ней, под ней и всюду вокруг; в ее ушах стоял оглушающий хриплый рев, и все же она не испытывала привычного страха.

Пока этот черный хаос душил ее, в ее мозгу по-прежнему рождались слова ободрения Питеру, которые она уже не могла произнести вслух; одной рукой она держала щенка, а другой цеплялась за сучок, силясь приподняться над водой. Питер перестал быть для нее просто собакой – ведь он бросился на ее защиту и отдал за нее жизнь!

Внезапно какая-то сила подбросила ее кверху – большое бревно повернулось, возвращаясь в устойчивое положение, из которого его на минуту вывел ее вес. На краю заводи, где вода кружила, но уже не мчалась неудержимо вперед, на поверхности показались каштановые волосы Нейды, потом ее побелевшее лицо, и последним судорожным усилием девушка положила мокрое тельце Питера на бревно. Всклипывая, Нейда пыталась вздохнуть поглубже. Мокрые пряди залепили ей глаза, и она ничего не видела. Силы совсем ее оставили, ей никак не удавалось взобраться на бревно рядом с Питером, а потом, когда она немного приподнялась, сук склонявшегося над водой дерева оторвал ее от бревна, точно могучая рука.

Вскрикнув, она попробовала схватить Питера, но он исчез, исчезло и бревно, а сук вцепился ей в волосы, как нередко вцеплялся в них Хокинс, и несколько секунд течение раскачивало ее тело, так, что содрогалось все дерево.

Но боли Нейда не ощущала; смигнув воду с глаз, она увидела ниже по течению широкую тихую заводь, где теперь колыхалось бревно. Однако Питера на нем не было. И вдруг сердце замерло у нее в груди, глаза широко раскрылись, и в изумлении перед невероятностью свершившегося чуда она забыла, что висит на волосах в бурлящем потоке, а скользкие руки течения бьют ее, хватают и стараются увлечь на дно. Она увидела Питера! Он был в дальнем конце заводи и плыл к берегу! Несколько секунд она была уверена, что зрение ее обманывает. Наверное, это течение несет его труп. Ведь Питер не мог плыть! Но... но голова его была поднята над водой... он продвигался к берегу... он бил лапами...

Нейда отчаянно рванулась. Что-то подалось. Голову ей словно обожгло, и течение потащило ее дальше. В заводи она поплыла, преодолевая слабость, и вскоре ее ноги коснулись дна. Она протерла глаза, почти рыдая от невыразимого страха и невыразимой надежды. Питер уже выбрался из воды. Он кое-как всполз на берег и съежился в мокрый комочек, но он смотрел на нее! Его глаза блестели, они искали ее. Нейда побрела к нему. Только теперь, когда все осталось позади, она поняла, до чего обессилела. В голове у нее что-то беспрерывно кружилось, к горлу подступала тошнота, все вокруг плыло перед глазами, и ее уже не удивляло, что Питер жив, а не умер. До берега оставалось всего несколько футов, но силы совсем оставили Нейду, она опустилась в воду и, ползком добравшись до Питера, снова взяла его на руки и прижала к мокрой, судорожно вздымающейся груди.

Солнце лило на них свои лучи, не затененное ни единой веточкой, вода, еще так недавно певшая песнь смерти, теперь опять журчала весело и дружески, кругом щебетали птицы и совсем рядом на стволе рябины резвились две рыжие белки. Потемневшие от воды волосы Нейды снова посветлели на солнце и начали завиваться в крупные кольца; высохли и жесткие баки Питера. Через полчаса глаза девушки уже сияли светом надежды и щеки ее окрасил румянец.

– Мы уже почти высохли, Питер, и можем пойти к мистеру Веселому Роджеру, – шепнула она весело.

Нейда встала, встряхнула лишь чуть влажными волосами, взяла Питера на руки... и вздрогнула, потому что он жалобно заскулил.

– Он тебя вылечит, Питер, – сказала она, чтобы утешить щенка. – И нам у него будет хорошо.

Взгляд Нейды был устремлен вперед, в пронизанную солнцем лесную зелень. Пение птиц и вся окружающая красота наполняли ее душу неизъяснимой радостью, а прикосновение мягкой земли к ее босым ногам, казалось, сулило чудесную, неизвестную ей дотоле свободу.

– Цветы! – негромко воскликнула она. – Цветы, и птицы, и солнце! Питер... – Она умолкла на миг, словно прислушиваясь к дыханию света и жизни вокруг. – Ну, нам пора идти к мистеру Веселому Роджеру, – сказала она затем.

Нейда еще раз встряхнула волосами, и они засияли вокруг ее лица, будто ореол. Синева ее глаз стала еще синее, а румянец на щеках еще алее, когда она свернула на еле заметную тропинку, которая вела к хижине, где Веселый Роджер прятался от людских глаз.

Глава 3

В старой лачужке индейца Тома, построенной на травянистой поляне неподалеку от Быстрого ручья, раздался веселый мужской смех. В этот предвечерний час последнее солнечное золото лилось в распахнутую дверь хижины, сложенной из тополевых бревен. И как солнечные зайчики на пестрой тополевой древесине, этот смех словно озарял тут все вокруг – тут, на краю огромного болота, которое простиралось далеко на север и на запад. Это был особый смех – не буйный или насмешливый, но звонкий и чарующий своей искренностью. Он был очень заразителен и мог разогнать тьму самой хмурой ночи. Он рассеивал страх, и если в болоте старого индейца Тома и вправду водились черти, то, заслышав его, они, конечно, улетывали во все лопатки. И не раз, как могли бы засвидетельствовать обитатели многих типи и хижин далеко отсюда, перед этим смехом отступала сама смерть.

В последний вечер мая, о котором мы ведем рассказ, человек, умевший так смеяться, стоял, облокотившись о грубо сколоченный стол. Это был Роджер Мак-Кей, более известный как Веселый Роджер, разбойник, разыскиваемый всеми патрулями королевской северо-западной конной полиции к северу от Водораздела.

Но тот, кто увидел бы его в эту минуту в золотом ореоле солнечных лучей, не поверил бы, что перед ним скрывающийся преступник, а тем более преступник, который, по слухам, творил в северном краю неслыханные бесчинства. Он был не особенно высок ростом, крепкий, как наливное яблоко, и такой же румяный. Было что-то детское в его круглом розовом лице, в ясных серых глазах, в льняных, коротко подстриженных волосах и в пухлости его обнаженных по локоть рук. Веселый Роджер выглядел упитанным и благодушным. Фигура его была округлой в каждой своей линии, однако тот, кто назвал бы его толстяком, ошибся бы. Очень ошибся бы, как могли подтвердить многие люди, встречавшиеся с ним на лесных тропах. Его лицо не носило никаких следов порочности, и он ничем не походил на гонимого преступника; разве что сторонний наблюдатель сосредоточил бы свое внимание только на пистолете, который висел на поясе, обвивавшем его не слишком стройный стан. Если бы не этот пистолет, Веселый Роджер производил бы впечатление не просто безобидного малого, но человека, самой судьбой предназначенного всюду приносить дух бодрости и доброжелательства. Что до его возраста, то ему было двадцать пять лет, о чем он, впрочем, избегал упоминать.

На первый взгляд в хижине не было ничего, что могло бы рассмешить даже самого заядлого весельчака, не говоря уж о разбойнике, за чью голову была назначена награда, – если только это не был аппетитный запах готовящегося ужина. На маленькой плите в дальнем углу поджаривались две куропатки, а из сломанного носика кофейника подымались клубы ароматнейшего пара. В открытой духовке ждали своей очереди шесть горячих печеных картофелин в хрустящей золотисто-коричневой корочке.

Веселый Роджер, посмеиваясь и потирая руки, отошел от стола и в третий раз направился к низкой полке в дальнем углу. Там он осторожно приподнял кипу старых газет; в открывшейся коробке что-то зашуршало, раздался протестующий писк, и над краем появилась мордочка бурой мышки, которая устремила на Роджера вопросительный взгляд двух блестящих глазусинок.

– Вот плутовка! – радовался Роджер. – До чего же храбрая плутовка!

Он приподнял газеты повыше и снова принялся рассматривать диковинку, на которую случайно наткнулся полчаса назад. В мягком гнездышке лежало четверо крохотных мышат, еще совсем голеньких и слепых. Едва он опустил газеты, как мать прошуршала назад к ним, и было слышно, как она попискивает, успокаивая малышей, – она как будто говорила им, что этого человека можно не бояться: она его хорошо знает и он ни за что не причинит им никакого зла. А Веселый Роджер, вернувшись к столу, вновь расхохотался, и смех его разнесся над

долиной ручья, одетой золотом заката, так что с вершины высокой ели на самом берегу ему задорным стрекотом ответила голубая сойка.

Однако на самом деле этот смех был вызван не только видом четырех голеньких мышат в гнезде из газетных клочков. В этот день к веселому и беззаботному искателю приключений вдруг пришло счастье – ему стоило только протянуть руку, и счастье навсегда осталось бы с ним. Но он не протянул руки... потому, что был разбойником, и еще потому, что во всем следовал собственному строгому кодексу чести. Роджер Мак-Кей не верил в бога, но он поклонялся природе: все ее проявления, ее жизнь, самый воздух, которым он дышал, были теми страницами, из которых слагалась книга его веры. И когда солнце начало спускаться за вершины высочайших деревьев, он прочел на этих страницах, что поступил как глупец, когда отвернулся от самого лучшего подарка, который могла ему сделать жизнь, – отвернулся только потому, что прихоть судьбы превратила его в нарушителя людских законов и обрекла на скитания. Вот почему теперь его душа пела и смеялась.

Он твердо верил, что полчаса назад принял непоколебимое решение. Он заставил себя забыть про нарушенный закон и про облаченных в красные мундиры служителей этого закона, которые неотступно шли по его следу. Но им и в голову не придет искать его здесь, на самой границе цивилизации, а время, заверил он себя в эту минуту оптимизма, укроет его надежной завесой забвения. Завтра он снова отправится за Гребень Крэга и...

Перед его умственным взором встало грустное личико с широко открытыми синими глазами, вновь в неярких лучах солнца заблестели каштановые кудри и алые губы, запинаясь, произнесли: «Вы меня не обидите, если поцелуете, мистер Веселый Роджер... если вам этого хочется!»

Он подробно рассказал про это ясноглазой мышке-матери, которая то и дело выглядывала из своей коробки.

– А ты чересчур уж любопытна, плутовка, – сообщил он ей. – И к тому же настоящая пиратка, суший капитан Кидд: ты съела мой сыр, изгрызла ремешки моих лыж и утащила у меня носок для своего гнезда. Мне следовало бы поймать тебя в мышеловку или отстрелить тебе голову. Но я этого не делаю. Я позволяю тебе спокойно жить... и растить детей. И, миссис Кидд, тебе я обязан замечательной мыслью. Да-да! Ты сказала мне, что я имею право завести собственное гнездо, – и я его заведу! А хозяйкой в нем будет самая милая, самая красивая девушка на свете, которая только по ошибке не родилась цветком! Вот так, миссис Кидд. А если явятся полицейские ищейки...

И тут вдруг радужные дали затуманились, и на лице Веселого Роджера появилось выражение, которое бывает у человека, когда он не боится взглянуть правде в глаза и знает, что загнан в угол и должен защищаться.

Солнце заходило, ужин стыл на столе, а это облако, омрачившее светлую Картину, становилось все мрачнее, превращалось в темную тучу, оледенившую его сердце. Он отошел от стола к открытой двери; его пальцы медленно сжались в кулаки, и он спокойно и неторопливо оглядел свой мир. Перед ним простиралась глухая лесная чаща, кое-где еще пронизанная угасающими отблесками заката. Вот это и был его мир – весь его мир. Здесь он родился и здесь когда-нибудь умрет. Он любил и понимал этот мир, чей могучий дух говорил с ним всегда – днем и ночью, при солнечной погоде и в бурю. Но теперь он безмолвствовал. И Веселый Роджер, погрузившись в задумчивость, не слышал насмешливой брани, которой осыпала его голубая сойка с пламенеющей вершины высокой темной ели.

Тут внутри него поднялось что-то более сильное, чем эгоистическое желание счастья, и его угрюмо сомкнутые губы прошептали с тихим, но яростным вызовом:

– Она совсем маленькая девочка. А я... я разбойник, и меня ждет тюрьма... Ведь рано или поздно они меня изловят, я знаю!

Он отвернулся от закатного неба и шагнул в сумрак своей хижины. В газетах шуршала маленькая мать, и на мгновение губы Веселого Роджера искривились в грустной улыбке.

– Нельзя! – сказал он. – Нельзя – и все тут, миссис Кидд. Ей и так живется несладко, а со мной будет еще хуже. Этого ведь не избежать. Никак не избежать, миссис Кидд. Но я рад, чертовски рад, что она разрешила мне поцеловать себя, если я этого захочу! Только подумать, миссис Кидд! Если я захочу... О господи!

И, обнаружив комическую сторону даже в своей трагедии, Веселый Роджер усмехнулся и нагнулся над сковородкой с куропатками.

– Если я захочу! – повторил он. – Да я бы жизнью заплатил, лишь бы поцеловать ее хотя бы один раз! Но дело так обернулось, миссис Кидд, что...

Веселый Роджер вдруг умолк и весь напрягся. Жизненный опыт научил его одному: выживает самый приспособленный – но самым приспособленным он остается, только пока выживает. И он всегда был начеку. Он умел думать быстро, слух у него был острый, а мышцы в каждой своей клеточке хранили настороженность. И теперь, не поворачивая головы, он знал, что в дверях у него за спиной кто-то стоит. Об этом ему сказали легкий шорох, тень, возникшая на стене, еще чуть позолоченной закатом, чей-то устремленный на него взгляд, чье-то безмолвное и неподвижное присутствие. Такого предупреждения было достаточно. Роджер подцепил куропатку на вилку, перевернул ее, громко рассмеялся... и внезапно с быстротой молнии повернулся к двери, уже держа свой кольт сорок четвертого калибра на уровне груди незваного гостя.

И сразу же рука с пистолетом опустилась.

– Ах черт...

Он растерянно глядел в глаза, отвечавшие ему таким же растерянным взглядом.

– Нейда! – с трудом выговорил он. – А я-то думал... я думал... – Он сделал судорожное движение губами, подыскивая правдоподобное объяснение. – Я думал, что это медведь.

В первую минуту он не заметил, что ситцевое платье тоненькой воспитанницы Джеда Хокинса промокло насквозь. Синие глаза девушки испуганно блестели. Щеки горели лихорадочным румянцем. Какие-то невысказанные слова застыли на полураскрытых губах, а волосы падали на плечи растрепанной волной. Однако Веселый Роджер ничего не замечал – недавние счастливые грезы, внезапность ее появления и ее красота заслонили от него все остальное. Но тут он внезапно увидел и другое. Последний луч заката блестел в ее волосах потому, что они были влажными, платье облепляло ее, а вокруг ее рваных башмаков растекались маленькие лужицы. Само по себе это его не особенно удивило бы, так как, чтобы попасть сюда, она должна была перейти вброд ручей. Но его поразило выражение ее лица и руки, крепко прижимающие к груди Питера, щенка, которого он ей подарил.

– Нейда, что случилось? – спросил он, кладя пистолет на стол. – Ты упала в ручей?

– Нет. Питеру плохо, – сказала она с рыданием в голосе. – Мы наткнулись на Джеда Хокинса, когда он выкапывал свое виски... Он совсем взбесился, схватил меня за волосы, и Питер укусил его... а... а он схватил Питера и бросил его о камень... Он совсем изувечен! Мистер Веселый Роджер...

Девушка протянула ему щенка. Веселый Роджер взял щетинистую мордочку в ладони, а потом осторожно перехватил расшибленное тельце, и Питер тихонько заскулил. Девушка судорожно всхлипывала, но ее глаза, когда она на миг перевела взгляд со щенка на пистолет, были сухими.

– Будь у меня револьвер, я бы его убила! – крикнула она.

Веселый Роджер опустил на колени и нагнулся над Питером. Его лицо стало серым и холодным.

– Он схватил тебя за волосы?

– Я... я нечаянно сказала про это, – прошептала она, наклоняясь над его плечом. – Я не хотела. И мне совсем не было больно. А вот Питеру...

Роджер ощутил у себя на шее влажное прикосновение ее локонов.

– Скажите, мистер Веселый Роджер, он сильно покалечен?

Веселый Роджер с женской бережностью ощупал худенькое тельце Питера. И Питер чуть слышно повизгивал, испытывая невыразимое облегчение оттого, что его касались эти пальцы. Он больше не боялся ни Джеда Хокинса, ни боли, ни смерти. Собаки понимают счастье очень просто. И для Питера было невыразимым блаженством лежать вот так, забывая терзавшую его боль, потому что над ним наклонялось лицо любимой хозяйки, а ласковые пальцы Веселого Роджера трогали его, неся ему исцеление. Он заскулил, когда Веселый Роджер нащупал место перелома, и вскрикнул совсем как маленький ребенок, когда внезапно что-то хрустнуло и кость встала на место, но даже и в эту минуту он повернул голову так, чтобы горячим язычком лизнуть дружескую руку. А Веселый Роджер тем временем давал указания девушке, которая быстро отыскивала подходящую тряпку, разорвала ее на узкие полоски, и уже через десять минут правая задняя нога Питера была перебинтована так туго, что стала неподвижной и бесполезной, точно деревяшка.

– У него было вывихнуто бедро и сломана голень, – объяснил Веселый Роджер, закончив перевязку. – Теперь все хорошо, и через три недели он будет бегать по-прежнему.

Он осторожно поднял Питера и сделал ему постель на нарах из собственного одеяла. Потом все с тем же странным серым лицом повернулся к Нейде.

Она стояла вполоборота к двери и смотрела прямо на него. И Веселый Роджер увидел в ее глазах то самое чудо, которое утром посулило счастье его измученной бурями душе. Глаза Нейды были синее самых синих фиалок, какие только ему доводилось видеть, и он знал, что ее бесхитростное сердце не станет скрывать тайны, о которой говорят эти глаза. Он отдал бы все на свете, лишь бы обнять ее, и он знал, что для этого ему стоит только протянуть к ней руки, но их сковало другое, более сильное чувство. На щеках Нейды пылал румянец, и Роджеру казалось, что нигде в мире не найдется красавицы, равной этой тоненькой девушке в старом платье и худых башмаках, – такая неземная радость озаряла ее лицо, обрамленное влажной волной кудрей, которые чуть блестели в свете угасавшего дня.

– Я знала, мистер... Роджер, что вы его вылечите! – сказала она, и в ее голосе зазвенела гордость за него, вера и обожание. – Я знала это!

В горле Веселого Роджера встал какой-то комок, и, отвернувшись к плите, он начал тыкать вилкой в хрустящую корочку печеных картофелин. Не оборачиваясь, он сказал ей:

– Ты пришла как раз к ужину, Нейда. Мы поедем, а потом я провожу тебя до Гребня.

Питер не спускал глаз с Роджера и девушки. Нога уже не болела, лежать на одеяле Веселого Роджера было тепло и уютно, и, положив щетинистую мордочку на передние лапы, он внимательно следил за каждым движением этих двух людей, без которых не мог бы жить. Он слушал негромкий звонкий смех, который ему случалось слышать очень редко – ведь Нейда смеялась так, только когда бывала счастлива; он смотрел, как она потряхивает волосами в свете лампы, которую зажег Веселый Роджер, и успел заметить, что в эту минуту Роджер, возившийся у плиты, бросил на нее взгляд, полный глубочайшей любви, но тотчас отвел глаза, едва она обернулась. Как ни был Питер смышлен, он ничего не понял, но он чувствовал во всем этом ту радость, какую ощущал всегда, когда они встречали Веселого Роджера: сияло ли тогда солнце, или день был непогожий и хмурый. За свою коротенькую жизнь он много раз видел горе и слезы Нейды, видел, как она вся съеживалась и старалась куда-нибудь спрятаться, когда раздавалась гнусная ругань мужчины и хриплый голос женщины в той, другой хижине. Но в обществе Веселого Роджера этого не случалось никогда. У него было два глаза, он не бранился и не таскал Нейду за волосы – поэтому Питер любил его всем сердцем. И он знал, что его хозяйка тоже любит Веселого Роджера – ведь она сама ему об этом говорила; в ее глазах, когда

она глядела на Веселого Роджера, не было грусти, и только с ним она смеялась тихо и звонко, вот как сейчас, в эту минуту.

Веселый Роджер сидел за столом, а Нейда стояла позади него, раскрасневшись от восторга: ей было позволено налить ему кофе! А потом она тоже села к столу, и Веселый Роджер начал подкладывать ей лучшие куски куропатки и старался сохранять спокойную невозмутимость, когда смотрел на очаровательное личико напротив. Нейда же и не думала прятать синего сияния радости в своих глазах. Немногими светлыми часами, которые выпали ей в жизни, она была обязана Веселому Роджеру, пришельцу, три месяца назад поселившемуся в хижине индейца Тома. Она любила его так же бесхитростно, как Питер. И не думала этого скрывать.

– Нейда, – сказал Роджер, – тебе ведь семнадцать лет...

– Мне пошел восемнадцатый год, – быстро поправила она. – Семнадцать мне сравнялось полмесяца назад!

– Да, тебе пошел восемнадцатый год, – повторил он. – И скоро явится какой-нибудь молодой человек, увидит тебя, женится на тебе...

С уст Нейды сорвалось что-то вроде тихого стога. Веселый Роджер увидел, как дрогнули ее губы, какими испуганными стали глаза, и на мгновение решимость почти оставила его.

– Куда вы уезжаете, мистер Веселый Роджер?

– Я? Да нет, я не думаю уезжать – по крайней мере пока. А вот ты уедешь отсюда, когда выйдешь замуж... в один прекрасный день.

– Я не выйду замуж! – с жаром возразила она. – Я ненавижу всех мужчин. Всех, кроме вас, мистер Веселый Роджер. А если вы уедете...

– Так что же будет, если я уеду?

– Я убью Джеда Хокинса!

И Нейда невольным движением протянула маленькую руку к большому пистолету, забытому на углу стола.

– Я убью его, если вы уедете, – повторила она угрожающе. – Он замучил свою жену, искалечил ее... Если бы не она, я бы давно убежала. Но я обещала ей, и я останусь... пока что-нибудь не переменится. А если вы уедете... теперь...

Она всхлипнула, уголки ее губ опустились, и Веселый Роджер, вскочив, пошел за кофейником, хотя его чашка была еще наполовину полна.

– Я не уеду, Нейда, – сказал он с притворным смехом. – Я обещаю... честное слово, провалиться мне на этом месте! Я не уеду, пока ты мне не позволишь.

И тут Питер, почувствовав что-то неладное, затыкал со своего ложа, а когда Веселый Роджер вернулся с кофейником, глаза Нейды поблагодарили его за обещание радостным взглядом. Стоя позади нее, он сделал вид, что подливает ей кофе, хотя она даже еще не притронулась к своей чашке, и тут вновь заметил, как влажны ее волосы.

– Так что же случилось, когда ты переходила ручей, Нейда? – спросил он.

Она начала рассказывать, и, услышав свое имя, Питер настороженно приподнял щетинистую мордочку. Ему было видно лицо Веселого Роджера, на котором недоумение сменилось испугом, а потом быстрой улыбкой. Когда же Нейда умолкла, Роджер наклонился к ней в светлом круге, отбрасываемом лампой, и сказал:

– Я хочу, чтобы ты мне кое-что обещала, Нейда. Если Джек Хокинс еще раз поднимет на тебя руку, или схватит тебя за волосы, или даже просто пригрозит тебе, непременно скажи мне об этом, хорошо?

Нейда молчала в нерешительности.

– А не то я возьму назад свое слово и не останусь здесь, – добавил он.

– Ну, раз так... то обещаю, – сказала она. – Если он меня ударит, я вам скажу. Но я боюсь... то есть боюсь... не за себя, а только за Питера. Джек Хокинс наверняка его убьет,

если я возьму его домой, мистер Роджер. Можно, он останется у вас? И... ах, если бы и мне можно было остаться...

Последние слова она пробормотала еле слышно, и тут же краска бросилась ей в лицо. Однако Веселый Роджер уже опять отошел к плите, так, словно не видел, как она покраснела, и словно не расслышал последней фразы, поэтому смущение Нейды быстро рассеялось.

– Конечно, пусть Питер остается здесь, – ответил он через плечо, но в сердце у него другой, неслышимый ей голос стонал: «Я бы отдал все на свете, лишь бы и ты могла тут остаться!»

Полчаса спустя, доедая свою порцию куропатки, Питер уголком глаза следил за Веселым Роджером и Нейдой, которая собралась уходить. Было уже темно, и Роджер спустил только сетку от комаров, а дверь закрывать не стал; Питер слышал, как постепенно затихали их шаги в густом лесном мраке. Луна еще не взошла, и под сводом сосен и елей все было черно, как в аду. Кругом царила мертвая тишина, и безмолвие этого первого ночного часа нарушал лишь звук их собственных шагов да шум воды в ручье. Душа Веселого Роджера ликовала – теплая маленькая рука Нейды лежала в его руке, ее пальчики крепко держались за его большой палец, и так он вел ее по невидимой тропе. Когда он остановился, отыскивая путь, Нейда оказалась так близко от него, что ее щека прижалась к его плечу, и, немного наклонившись, он слегка коснулся губами ее волос. Но в темноте ему не было видно ее лица, всю дорогу до брода его сердце отчаянно билось.

Потом он рассмеялся странным негромким смехом, совсем не похожим на обычный смех Веселого Роджера.

– Я постараюсь не дать тебе вымокнуть во второй раз, Нейда, – сказал он.

Пальцы девушки по-прежнему не выпускали его большого пальца, точно она боялась потеряться в чернильной тьме, окутывавшей их со всех сторон. Она опять прильнула к нему, и Веселый Роджер должен был напрячь всю свою волю, чтобы тут же не сжать ее в объятиях и не признаться в своей любви.

– Я не боюсь... то есть не боюсь вымокнуть, – услышал он ее шепот. – Вы такой большой и сильный, мистер Роджер...

Он осторожно высвободил свой палец и подхватил Нейду на руки так, чтобы даже в самом глубоком месте вода до нее не достала. Сперва руки Нейды еле касались его плеч, но когда Роджер дошел до глубокого места и она почувствовала, как он борется с течением, девушка теснее сжала руки, и они обвили шею Роджера теплым милым кольцом. Наконец он благополучно опустил ее на землю на другом берегу, и она глубоко, с облегчением вздохнула. Потом она нащупала в темноте его руку, и снова ее пальчики обхватили его большой палец, и Веселый Роджер, мокрый насквозь, повел ее к расселине в Гребне Крэгга, а из-за вершин восточного леса показался верхний край луны.

Глава 4

Для Питера, оставшегося в пустой хижине, время ожидания тянулось бесконечно. Веселый Роджер, уходя, задул лампу, а когда взошла луна, ее свет не проник в темную комнату, так как дверь выходила на запад, а занавески на обоих окнах были плотно задернуты. Однако через открытую дверь щенок видел, как ночной мрак сначала побледнел и как потом повсюду внезапно разлилось нежное сияние, рассеявшее тьму и населившее мир вокруг таинственными тенями, которые казались живыми, хотя и были беззвучны. В эту ночь светила великолепная полная луна, а Питер любил такую луну, хотя за свою трехмесячную жизнь он видел ее всего лишь несколько раз. Она завораживала его куда больше солнца, потому что солнце всходило всегда при свете и ему никогда не доводилось видеть, чтобы солнце пожирало тьму, как это делает луна. Эта тайна преисполняла его благоговением, но несколько не пугала. Правда, ему были не совсем понятны странные безмолвные тени, которые переставали существовать, едва он принимался их обнюхивать; несколько сбивало его с толку и еще одно наблюдение – птицы почему-то не летали и не пели при лунном свете, хотя при дневном свете они и летали и пели. Но едва это непонятное нечто, пожирающее тьму, выплывало на небо, как в самой глубине его существа просыпалось что-то древнее, полученное в наследство от предков, и кровь быстрее бежала по жилам, а неверные бледные лучи манили к себе, звали тихо и незаметно красться все вперед и вперед, напрягая зрение и слух, чтобы увидеть и услышать то, чего он еще никогда не видел и не слышал.

Теперь Питера окружал мрак хижины, но его взгляд был прикован к открытой двери, и долгое время он прислушивался, не раздадутся ли шаги возвращающихся Роджера и Нейды. Он дважды пробовал подползти к краю нар, но при каждом движении его тело пронзала такая острая боль, что после второй попытки он отказался от своего намерения. Вскоре он услышал, как за стенами хижины просыпается Ночной народ. Они были очень осторожны, эти ночные создания, не то что веселые существа, приветствующие зарю счастливой песней, – ведь большинство из них обладало острыми клыками и длинными когтями, и были это разбойники лесных дебрей, всегда готовые наброситься на добычу. Питер знал и это, потому что в нем жил опыт многих поколений северных собак, от которых он происходил. Где-то вдалеке завыл волк, и что-то сказало Питеру, что это воет не собака. Затем ближе протрубил лось, и тот же инстинкт объяснил ему, что он слышит голос великана медведя, хотя он никогда в жизни не видел ни единого медведя. Питер еще ни разу не встречал ни бесшумно ступающих, зорких и ночью хищников – лисиц, рысей, куниц, норок и горностаев, – ни круглоглазых крылатых убийц, кружащих среди древесных ветвей, однако тот же опыт предков предупреждал его, что они бродят сейчас там, за дверью, среди теней, в этом смутном серебристом мерцании. И вдруг наглядный пример доказал ему, что все это – правда. На поляну перед дверью хижины выпрыгнул крольчонок, еще совсем маленький, и принялся щипать траву, но тут по воздуху промчался когтистый, кривоклювый метательный снаряд, и Питер услышал предсмертный вопль крольчонка, которого сова унесла на вершину высокой ели. Но все равно Питера неудержимо тянуло выйти на лунный свет – он ничего не боялся.

Но вот его ожидание пришло к концу. Он услышал шаги, и вскоре из желтоватой лунной дымки возник Веселый Роджер. На пороге он молча остановился и посмотрел на запад, туда, где небо над вершинами деревьев сверкало звездами. Питер готов был уже радостно тявкнуть, но не тявкнул. Веселый Роджер молчал как-то странно, шагов Нейды не было слышно, и Питер принюхался, проглотил вставший в горле комок и почувствовал в воздухе предвестие чего-то важного. Затем Веселый Роджер вошел в хижину, сел возле стола, не зажигая лампы, и Питер долго-долго смотрел на смутное пятно в темноте, прислушиваясь к звуку дыхания, а потом не выдержал и заснул.

Веселый Роджер очнулся от своей задумчивости. Он встал, чиркнул спичкой, но тут же задул огонек, подошел к Питеру, сел рядом с ним и принялся тихонько его гладить.

– Питер, – сказал он вполголоса, – пожалуй, нам с тобой предстоит одно дело. Ты сегодня его начал... а я должен буду довести до конца. Нам придется убить Джеда Хокинса!

Питер прильнул к ласковой ладони.

– Может быть, я и преступник, может быть, мое место в тюрьме, – продолжал в темноте Веселый Роджер, – да только до этого вечера я никого не убивал и убивать не хотел. А вот теперь – хочу. Если Джек Хокинс ее хоть пальцем тронет, мы его убьем! Понимаешь, Хромуля?

Он встал, и Питер услышал, что он начал раздеваться. Затем Роджер уложил Питера на одеяле на полу, а сам растянулся на нарах, и на долгое время в хижине воцарилось что-то более тягостное, чем ночной мрак, – так, по крайней мере, казалось щенку, который ждал, прислушивался, по-своему, по-собачьи, мечтая о возвращении Нейды, и не мог понять, почему она: вдруг забыла о нем. А в желтоватых лучах луны бесчинствовал Ночной народ, и смутный светлый сумрак был полон стремительного бега, ужаса смерти, а Веселый Роджер спал, а волк завыл совсем близко, а ручей, не смолкая, журчал свою вечную песню. В конце концов веки Питера сомкнулись, и через порог в безмолвие хижины, где пахло человеком и собакой, заглянул красноглазый горноста́й.

После этой первой ночи миновало много дней, прежде чем Питер снова увидел Нейду. Прошли проливные дожди, ручей разлился, и каждый раз, когда Веселый Роджер переправлялся через бурный поток, чтобы добраться до Гребня Крэга, он рисковал жизнью. Все это время Питер не видел никого, кроме Роджера. К концу второй недели кость срослась, и щенок начал бегать, но хромота осталась, и его след всегда можно было отличить от любого другого по своеобразному отпечатку правой задней ноги.

За эти две недели болезни Питер очень повзрослел. Теперь он научился понимать Веселого Роджера не только с помощью глаз и ушей, но и с помощью особого инстинкта, развитию которого способствовала его смышленность. За две недели вынужденной неподвижности этот инстинкт приобрел необычайную остроту, и под конец Питер уже умел догадываться о настроении Веселого Роджера по одному звуку его приближающихся шагов. Все это время щенок изо всех сил старался постигнуть смысл таинственной перемены в своей судьбе. Он знал, что Нейда исчезла, и чувствовал, что каждый новый день все больше отдаляет ее от него, но он чувствовал также, что Веселый Роджер видится с ней, и когда тот возвращался в хижину, в Питере каждый раз пробуждалась тоскливая надежда, что с ним возвращается и Нейда.

Однако постепенно мысли о Нейде начали сменяться мыслями о Веселом Роджере, и вскоре этот человек стал для него самым главным и самым любимым на свете. А Веселый Роджер за эти дни научился находить в обществе Питера и в их растущей взаимной привязанности утешение и отвлечение от тяжелых мыслей. Питер был свидетелем и тех часов, когда хижина светлела от голоса и смеха Веселого Роджера, и тех часов, когда его лицо становилось угрюмым, а в глазах появлялся суровый рассеянный взгляд, смысла которого Питер не мог разгадать. И вот в эти-то часы, когда сердце щенка разрывалось от великой любви к Веселому Роджеру, тот рассказывал Питеру то, чего не открывал еще ни одному человеку.

Как-то в сумерках, вернувшись весь мокрый после переправы через ручей, он сообщил Питеру:

– Нам бы следовало уйти отсюда, Питер. Нам бы следовало сложить сегодня же все пожитки и ночью убраться подальше. Видишь ли... иногда я сам себя боюсь, Хромуля. Ради нее я могу и убить. Ради нее я готов умереть. Я бы бросил все на свете и пошел бы в тюрьму, если бы там со мной была она. А это опасное желание, Питер, потому что ей быть с нами нельзя. Никак нельзя, дружок. Она ведь не знает, почему я поселился тут. Она ведь не знает, что меня давно уже разыскивает полиция – им, конечно, и в голову не придет, что Веселый Роджер Мак-Кей прячется так близко от населенных мест. Если же я ей признаюсь, она решит, будто я даже

хуже Джеда Хокинса, и, конечно, не поверит, что действовал я смекалкой, а не пистолетом и что я в жизни не убил и не ранил ни одного человека. Нет, она мне не поверит, Питер. А хуже всего то, Хромуля, что она... она меня любит. Во всем на меня полагается и хоть завтра пошла бы со мной к отцу Джону. Я знаю это. Вижу, чувствую, и я...

Его пальцы стиснули загривок щенка.

– Питер, – прошептал он в сгущающейся мгле, – я не верю в того бога, в которого верят многие люди, мне хватает цветов, птиц, деревьев, неба – всего, что вокруг, и всем этим я клянусь, что не сделаю ее несчастной, Питер. Клянусь, понимаешь?

И всю ночь Питер слышал, что Роджер не спит и беспокойно ворочается на нарах.

Однако утром он принялся петь, пока готовил завтрак, и голос его был таким же веселым, как солнечные лучи, разлившиеся по лесу. Для Питера эта смена настроений была неразрешимой загадкой. Сколько раз он видел, как угрюмый и унылый Роджер вдруг вскакивал и принимался бодро насвистывать или петь, а однажды он объяснил Питеру:

– Я беру пример с солнца, Хромуля. Оно ведь светит, даже когда его заслоняют от нас тучи и мы его не видим. А смех еще никогда не вредил человеку.

В этот день Веселый Роджер не ходил за ручей.

Глава 5

Только когда пошла третья неделя, Питер наконец увидел Нейду. К этому времени он уже провожал Роджера до брода и ждал там – иногда по несколько часов, – пока его товарищ и хозяин не возвращался с Гребня Крэгга. Но часто Веселый Роджер оставался с Питером у брода и, растянувшись на краю лужайки, которую они нашли там, принимался читать какую-нибудь из своих старинных книжечек в красных переплетах – как было известно Питеру, он очень дорожил этими книгами. Щенок часто пытался понять, что интересного могло прятаться между выцветшими крышками переплета, и умей он читать, то прочел бы следующие заглавия: «Маргарита Анжуйская», «История Наполеона», «История Петра Великого», «Цезарь», «Колумб – великий путешественник» и так далее, – всего двадцать томов, которые Веселый Роджер раздобыл, ограбив почту за два года до описываемых событий, и которые он ценил не меньше собственной жизни.

В этот день, когда они лежали на полянке в дремотной июньской тишине. Веселый Роджер решил наконец удовлетворить любопытство, написанное на мордочке Питера и блестящее в его глазах.

– Видишь ли, Хромуля, – начал он виновато, – мне до смерти хотелось почитать что-нибудь, и я прикинул, что у почтальона что-нибудь да найдется – газета, например. Вот я и оставил почту, почтальона связал и увидел эти вот книжки. И, честное слово, больше я ничего не взял – во всяком случае, в тот раз. Их двадцать штук, и весят они вместе девять фунтов, и за последние два года мне пришлось пройти с ними не меньше пяти тысяч миль. Но все равно я не сменял бы их, даже предложи мне кто-нибудь золота, сколько я вешу – а это не так уж мало! Я называл тебя Питером потому, что так называли в юности Петра Великого. Сказать по правде, я чуть было не окрестил тебя Христофором Колумбом. Как-нибудь потом, Питер, мы доставим эти книжки тому человеку, которому они были адресованы. Я дал себе такое слово. Ведь украсть книги – словно душу у кого-нибудь украсть. И я их только взял почитать. Адрес их хозяина я записал – он живет на самом краю Голых Земель. Как-нибудь мы возьмем да и доставим книги по принадлежности.

Внезапно Питер утратил интерес к этим объяснениям, и Роджер, проследив направление его взгляда, увидел, что на другом берегу ручья стоит Нейда и смотрит на них. Питер тотчас узнал ее и задрожал всем телом, но тут Веселый Роджер с радостным смехом схватил его под мышку и бросился с ним в ручей. Потом он добрых пять минут стоял в сторонке и смотрел на встречу Питера и Нейды; он слушал восторженное повизгивание щенка, лизавшего лицо и руки девушки, видел следы слез на щеках Нейды, и его собственные глаза подозрительно заблестели. Для Питера три недели были бесконечно длинным сроком, но в своей обожаемой маленькой хозяйке он не смог углядеть никаких перемен. Все осталось прежним – и пышные локоны, в которые можно было уткнуться нос, и ласковые руки, и нежный голос, и пьянящее тепло ее тела, когда она крепко прижала его к груди. Он не понял, что на ней надеты новые башмаки и новое платье, что ее алые губы словно поблекли, лицо побледнело, а тоскливое выражение уже больше никогда не исчезало из глаз.

Но Веселый Роджер видел и этот взгляд, и растущую бледность – он наблюдал их уже больше двух недель. И вечером, когда Нейда ушла за Гребень Крэгга, а он вновь переплыл ручей, держа Питера на руках, на его лице застыло суровое и мрачное выражение, которое Питер начал замечать все чаще. И когда они сидели в сумерках на пороге хижины. Веселый Роджер сказал:

– Скоро все станет ясно, Питер. Я жду, что вот-вот что-то случится. Она что-то скрывает от нас. И боится за меня. Это-то мне понятно. Но я узнаю, в чем дело, – и скоро. А тогда, Хромуля, мы, пожалуй, убьем Джеда Хокинса и уйдем на Север.

Мрачные предчувствия, звучавшие в голосе и словах Роджера, словно окутали хижину на долгие дни, и Питер все более остро ощущал пугающее приближение чего-то таинственного и неотвратимого. Он быстро рос, становился сильнее и сметливее, и в нем уже начали развиваться те благоразумие и сообразительность, которые впоследствии сыграли такую важную роль в его жизни. Инстинкт, не менее могучий, чем разум (а может быть, это и был разум), подсказывал ему, что его хозяин постоянно и напрасно ожидает чего-то. Тот же инстинкт открыл ему, что этого неизвестного события следует опасаться. Теперь он уже не бросался очертя голову исследовать загадки и тайны. Он выбирал окольный путь и заставлял, таинственное врасплох. На смену щенячьему любопытству и безрассудности пришли умение и хитрость. Он легко постигал новое, а слово Веселого Роджера стало для него законом, и достаточно ему было услышать распоряжение один или два раза, как оно становилось частью его жизненного опыта. Но если в мозгу Питера развивались наблюдательность и сметка его отца-эрделя, то его тело складывалось по образу и подобию его могучей, быстрой и кроткой матери-гончей. Его ноги утрачивали былую нескладность и неуклюжесть. Узлы на хвосте скрылись под слоем мышц. Его крупная голова, щетинившаяся свирепыми баками, казалось, пока перестала расти, чтобы дать время нескладному худому туловищу догнать ее.

И хотя всего несколько недель назад его огромные лапы вечно заплетались и спотыкались, теперь они научились ступать уверенно и бесшумно.

И с недавних пор Питер, услышав приближающиеся шаги, уже не бросался навстречу с веселым лаем, пока не убеждался, что это действительно идет Веселый Роджер. Такое поведение могло показаться странным, если принять во внимание, что пять недель, которые протекли с того вечера, когда Нейда принесла Питера с Гребня Крэгга, в окрестностях хижины не появлялось ни одного человека, кроме Роджера и Нейды. Но природенная осторожность росла и крепла в душе щенка с каждым днем. Затем как-то под вечер Питер сделал неожиданное открытие. Они с Веселым Роджером возвращались с рыбной ловли, которой занимались ниже по ручью, и едва Питер вышел из леса на вырубку, как учуял незнакомый запах. Он поспешно начал расследование и обнаружил тот же запах всюду вокруг хижины, а особенно силен он был возле двери. Питеру все было ясно. Тут побывал какой-то неизвестный ему человек: он несколько раз обошел хижину, открывал дверь и даже заходил внутрь – Питер учуял его следы на половицах. Он попытался сообщить Веселому Роджеру о случившемся: весь ошетинился, заскулил и начал внимательно вглядываться в темную чашу. Роджер осмотрел поляну вместе с ним, но не заметил никаких следов и сказал, принимаясь чистить рыбу для ужина:

– Наверное, нас навестила росомаха, Хромуля. Негодяйка думала чем-нибудь поживиться, пока хозяев нет дома.

Но Питер не успокоился. Ночью он спал вполглаза. Знакомые звуки вдруг обрели новый смысл. Весь следующий день его тяготили непонятные предчувствия. Вторжение неизвестного запаха в их мир пугало его и сердило. Собачья логика подсказывала ему, что произошло посягательство на права его хозяина, а он, как того требовал закон его племени, был защитником этих прав.

На четвертый день после появления незнакомого запаха Веселый Роджер задержался у Гребня Крэгга дольше обычного. Питер, который в этот день охотился в одиночку, вернулся домой перед закатом. С недавних пор у него появилась новая привычка: прежде чем выйти на открытое место, он сначала несколько мгновений принюхивался и прислушивался. И теперь, когда он осторожно высунул нос из-за ствола ели ярдах в двадцати от хижины, его сердце внезапно забилося от жгучего волнения. Дверь хижины была открыта. А возле двери, внимательно оглядываясь по сторонам, стоял незнакомый человек. Он был совсем не похож на Джеда Хокинса, как немедленно решил Питер: высокий, в широкополой шляпе, в полосатых брюках, заправленных в сапоги, и в куртке с какими-то металлическими штучками, которые блестели в последних лучах солнца. Питер не имел ни малейшего представления о королев-

ской северо-западной конной полиции. Но он все равно почуял опасность и замер. Все время, пока незнакомец осматривался, держа руку на расстегнутой кобуре, Питер стоял совершенно неподвижно. Только когда неизвестный вошел в хижину и притворил за собой дверь, Питер тихонько отступил в лесную тень. А потом бесшумно, как лисица, он прокрался через кусты к тропинке и побежал по ней к броду, которого не мог миновать Веселый Роджер, возвращаясь с Гребня Крэгга.

Когда Веселый Роджер вышел на берег, до темноты оставалось еще полчаса. Против обыкновения, Питер не бросился встречать его у самой воды. Он продолжал сидеть, прижав уши и как будто совсем не радуясь хозяину. Необходимость постоянно быть начеку приучила Веселого Роджера замечать самые, казалось бы, ничтожные мелочи. Он заговорил с Питером, погладил его и пошел по тропинке по направлению к хижине. Питер угрюмо поплелся за ним, но через несколько секунд остановился и опять сел. Веселый Роджер удивился.

– В чем дело, Питер? – спросил он. – Тебя опять напугала россомаха?

Питер тихонько взвизгнул, но уши его были по-прежнему прижаты, а в глазах, устремленных на тропу позади хозяина, горели красные огоньки. Роджер повернулся и пошел дальше, пока не скрылся за поворотом тропинки. Там он остановился и поглядел назад. Питер не последовал за ним и продолжал сидеть на прежнем месте. Веселый Роджер коротко перевел дух и вернулся к Питеру. Целую минуту он простоял, наблюдая за ним и прислушиваясь, и все это время в глазах Питера, устремленных в сторону хижины, не гасли красные огоньки. Глаза Роджера тоже вспыхнули, и, внезапно опустившись на колени рядом с Питером, он тихонько произнес над его прижатым ухом:

– Ты говоришь, что это не россомаха, Питер? Верно?

Зубы Питера щелкнули, и он заскулил, по-прежнему глядя прямо перед собой.

Глаза Веселого Роджера блеснули холодным блеском, он вскочил, быстро и бесшумно скользнул под прикрытие деревьев, под которыми уже сгустился сумрак, и пальцы его сжали большой пистолет. Теперь Питер последовал за ним, и Роджер, описав дугу, вышел к хижине у той стены, в которой не было окон. Там Веселый Роджер снова встал на колени рядом с Питером и прошептал:

– Жди здесь, Хромуля. Понял? Жди здесь.

Он ласково нажал ладонью на его спину, и Питер понял. Затем, пригибаясь, Роджер с кошачьей мягкостью подбежал к глухой стене хижины. Присев на корточки, он осторожно выглянул из-за угла и осмотрел дверь. Она была закрыта. Потом он покосился на окна. На западном занавески были подняты, как он их поднял, но на восточном...

Лукавая улыбка тронула уголки его рта. Эти занавески он всегда плотно задерживал. Одна из них оставалась опущенной и теперь, но другая была чуть-чуть приподнята, так что человек, прятаящийся в хижине, мог следить за тропинкой.

Роджер отодвинулся от угла и беззвучно усмехнулся. Ловушка была устроена бесстрашно и умно, а это сказало ему о многом. В хижине кто-то прятался, и он готов был голову прокладывать, что прячется в ней Кассиди, упрямый ирландец из отряда «М». Роджер не раз и прежде думал, что проследить его здесь, на самой границе цивилизации, способен только Кассиди, и никто другой. И вот Кассиди явился сюда – Кассиди, который упорно, как волк, три года шел по его следу, гнал его через все Голые Земли, проплыл за ним до верховий Маккензи и весь путь назад, который дрался с ним, голодал и замерзал, как и он, но так его и не арестовал. В глубине души Веселый Роджер питал к Кассиди симпатию. Они долго играли и продолжали играть в захватывающую игру: победа в этой игре стала для обоих целью жизни. И вот теперь Кассиди поджидает его в хижине, не сомневаясь, что добыча у него в руках и вот-вот войдет в ловушку.

Веселый Роджер знал, что дело может обернуться трагически, но тем не менее ему было смешно. Три раза за последние полтора года он оставлял Кассиди в дураках, и этому охотнику

за людьми приходилось с трудом выбираться из паутины, которую он сам хитро сплетал для своей жертвы. И вот то же произойдет в четвертый раз! Кассиди это будет чертовски неприятно!

Вознося в душе молитву, чтобы Питер остался смирно сидеть на месте, Веселый Роджер снял башмаки и бесшумно, как ласка, подобрался к двери. Потом медленно, дюйм за дюймом, приподнялся и распластался у стены возле самой дверной щели. Затаив дыхание, он прислушался. Ему казалось, что он стоит бесконечно долго, но изнутри не доносилось ни звука. Он догадывался, что делает сейчас Кассиди: смотрит в узкий просвет между занавеской и подоконником. Но догадываться еще не значит знать, а любой просчет мог оказаться роковым – ведь в хижине ждал Кассиди с пистолетом в руке.

Внезапно до его ушей донеслось легкое поскрипывание: мужские шаги, приглушенные, но все же ясно различимые... Человек шел от окна к двери. На полдороге шаги замерли, а потом прозвучали ближе к окну, выходявшему на запад. Однако наблюдатель, очевидно, не предполагал, что его жертва может появиться с той стороны, так как после секундной паузы он возвратился туда, откуда ему была видна тропа. На этот раз Веселый Роджер твердо знал, что Кассиди стоит, прильнув к окну, спиной к двери, и каждая мышца в теле лесного бродяги напряглась для молниеносного броска. Еще миг – дверь распахнулась, и наблюдатель, отпрянув от окна, увидел прямо перед собой темное дуло пистолета Веселого Роджера.

После того как его хозяин стремительно распахнул дверь, Питер еще несколько секунд пролежал там, где ему было ведено лежать, изо всей мочи напрягая глаза, так что они чуть не вылезли на лоб. Он услышал голоса, потом звонкий раскат смеха – это засмеялся Веселый Роджер – и, не в силах дольше сдерживаться, осторожной рысцой затрусил к открытой двери хижины. Там на стуле сидел незнакомец в широкополой шляпе и сапогах, его руки были крепко связаны у него за спиной. А Веселый Роджер в последнем отблеске дня сновал по хижине, упаковывая заплечный мешок.

– Мне бы следовало убить тебя, Кассиди, – говорил он с торжествующим смешком. – Ты не даешь мне ни минуты покоя. Куда бы я ни отправился, ты обязательно рано или поздно являешься туда, хотя, насколько мне помнится, я ни разу тебя не приглашал. И теперь, когда подвернулся такой случай, мне следовало бы убрать тебя с моей дороги и посадить над тобой цветочки. Да только духу не хватает. А к тому же ты мне нравишься. Может, когда ты наконец бросишь гоняться за мной, из тебя и выйдет отличная ищейка. Но покуда, Кассиди, тебе не хватает тонкости. Тонкости тебе не хватает. – И Роджер снова расхохотался.

– Просто тебе везет, как черту, – пробурчал Кассиди.

– Ну, если так, то будем надеяться, что мне не перестанет везти! – ответил Веселый Роджер. – А теперь послушай-ка, что я скажу, Кассиди. Давай побьемся об заклад, как мужчина с женщиной: если в следующий раз ты меня опять не сцапаешь, если я возьму над тобой верх, кончишь ты гоняться за мной?

Глаза Кассиди блеснули в полумраке.

– Если ты улизнешь от меня в следующий раз, я подам в отставку!

Голос Веселого Роджера стал серьезным:

– Я верю тебе, Кассиди. Ты всегда играл честно. А теперь, если я развяжу тебе руки, ты дашь мне два часа форы?

– Ладно, – ответил Кассиди.

В темноте уже трудно было различить его худое лицо.

Веселый Роджер зашел, ему за спину. Щелкнул раскрытый нож. Потом Роджер взял мешок и направился к двери. На пороге он остановился.

– Погляди на свои часы, Кассиди, чтобы не ошибиться и не выйти раньше, чем пройдут полных два часа.

– Я дам тебе два часа и пять минут, – сказал Кассиди. – Думаешь уйти на север. Веселый Роджер?

– Думаю уйти в леса, – ответил разбойник. – Я иду туда, где путешествовать не так-то легко и просто, Кассиди. Ну, прощай...

Он ушел, направляясь прямо на север и не стараясь приглушить свои шаги. Но, углубившись в чащу, он повернул на юг и переплыл ручей, держа Питера под мышкой. Они прошли по равнине почти милю, когда Веселый Роджер наконец заговорил, обращаясь к Питеру:

– Кассиди думает, что уж теперь-то я уйду в северные края, Хромуля. Но мы его надуем. Я так и думал, что чего-нибудь в этом роде не миновать, и теперь мы идем к дальнему отрогу Гребня Крэга, где скалы так накинаны, что в них сам черт заплутается. Ведь ничего другого нам не остается, дружок! Не можем же мы бросить ее сейчас. Никак не можем!

Голос Веселого Роджера прервался. Помолчав немного, разбойник нагнулся и погладил Питера.

– Если бы не ты, Питер, Кассиди на этот раз меня сцапал бы... Одно мне непонятно, Питер, почему господь бог забыл наделить собак речью?

Питер твякнул в ответ, и они растаяли в ночном мраке.

Глава 6

Холодный туман пригасил было сияние звезд, но пока Веселый Роджер и Питер шли по равнине между ручьем и Гребнем Крэгга, он постепенно рассеялся.

Они не торопились, потому что Мак-Кей полагался на слово Кассиди. Он знал, что рыжеволосый охотник за людьми не нарушит обещания: он просидит в хижине индейца Тома полных два часа и еще пять минут. С каждой уходящей секундой торжествующая радость в душе Веселого Роджера угасала и сменялась привычной тоской одиночества и злостью на судьбу, которая сделала из Кассиди врага вместо друга. Но зато какого врага!

Роджер нагнулся и погладил косматую голову Питера.

– И почему только власти не поручили ловить нас кому-нибудь другому! – проворчал он. – Кому-нибудь, кто ненавидел бы нас и кого мы могли бы возненавидеть! Ну зачем им понадобилось назначать Кассиди – честнейшего в мире человека, хоть он и носит полицейский мундир? Вот мы и не можем нанести ему удар в спину, Хромуля, не можем разделаться с ним, даже если нам самим придется туго. А если он когда-нибудь упрячет нас в тюрьму и увидит, как мы сидим за решеткой, ему это будет нож острый, я знаю. И все-таки он это сделает, Питер, если сумеет. Это же его долг. А Кассиди честный человек, против этого не поспоришь.

Перед ними за равниной встала темная стена Гребня, и Веселый Роджер умолк, вглядываясь в темноту на востоке. Там в миле от них, за расселиной, точно глубокая борозда, расщелившейся Гребень, стояла хижина Джеда Хокинса, безмолвная и сумрачная в слабом свете звезд. А в хижине была Нейда. Он чувствовал, что она сидит у своего окошка, глядит в ночной мрак, думает о нем, и его неодолимо тянуло пойти туда. Но он повернул на запад.

– Мы ведь не можем рассказать ей, что случилось, дружок, – сказал он, повинаясь голосу благоразумия. – Пусть пока думает, будто мы ушли отсюда. Если Кассиди решит поговорить с ней, ее синие глаза могут нечаянно выдать нас, а потому лучше будет, чтобы она не знала, что мы прячемся в скалах Духовки. Ну, да авось она не попадется на глаза Кассиди. И наверное, так оно и будет, Хромуля, потому что, сдается мне, судьба хочет, чтобы перед уходом мы приструнили Джеда Хокинса.

Годы одиночества приучили его разговаривать вслух с существами, которые не могли ему ответить. Но даже во мгле Роджер чувствовал, что Питер по-своему понимает его.

Камни под ногами путников делались все крупнее, их становилось все больше, потому они пошли медленнее, и все равно иногда спотыкались. Но несмотря на темноту, они легко находили дорогу. Прежде Питер не раз дивился, зачем его хозяин так подробно исследует угрюмое нагромождение скал у дальнего конца Гребня. В этом бесплодном каменном лабиринте они не встречали ни единой живой твари, не видели ни единого стебелька травы. Все там было неприветливым, мертвящим и враждебным, словно застывшим в последней злой судороге. Теперь во мраке это ощущение еще усиливалось, и Питер старался держаться поближе к хозяину. Они поднимались все выше, пробираясь между хаотических нагромождений камней, кружа по обрывам, находя правильный путь больше наугад, но тем не менее неуклонно взбираясь вверх, к звездам. Больше Роджер Мак-Кей не заговаривал с Питером. Каждый раз, когда утесы не заслоняли неба, он искал в вышине на его темном фоне одинокий пик, который в мерцании звезд приобретал жуткое сходство с гигантским могильным камнем – это была их путеводная веха. Они долго карабкались так среди скал, и Веселому Роджеру казалось, что шляпки гвоздей в подошвах его башмаков скрежещут о каменистую почву как-то особенно громко и зловеще. Но наконец они приблизились к вершине.

Они остановились на узкой песчаной площадке, со всех сторон укрытой громадами скал, и Роджер расстелил там свои одеяла. Потом он вышел из черной тени, такой густой, что мириады звезд, сверкавших над их головами, казались совсем близкими. Он опустился на камень

и закурил, размышляя над тем, что принесет ему грядущий день и все другие дни, которые за ним последуют. Нигде в мире он не мог бы найти настоящий покой – разве после того, как его руки ощутят холод железных прутьев тюремной решетки и роковая игра будет сыграна до конца.

Сердце Веселого Роджера было свободно от разъедающей горечи злобы и жажды мести. Поэтому даже его заклятые враги – полицейские – стали называть Мак-Кея прозвищем, которое дали ему обитатели лесных дебрей. Он не питал ненависти к конной полиции. Как ни странно, эти блюстители закона даже нравились ему своим неоспоримым мужеством и закалкой. И к закону он тоже не испытывал ненависти. Скорее он посмеивался над его гордым величием, ибо закон с глубочайшей серьезностью придавал важность всяким пустякам – ему самому, например. Служители этого закона, казалось, не знали ни сна, ни отдыха, пока не вешали человека или не сажали его за решетку, и их не интересовало, насколько горячо этот человек любит людей и жизнь. А Веселый Роджер любил и людей и жизнь. В глубине души он считал, что не совершил никакого преступления, восстановив справедливость, когда ее нельзя было восстановить иными средствами. Но он не отрицал, что закон он при этом нарушил. И он любил жизнь. Любил звезды, безмолвно сиявшие над его головой в эту ночь. Ему нравились даже безжизненные скалы вокруг, потому что они говорили его воображению о захватывающей и буйной жизни нашей планеты в дни ее юности. Нравился ему и исполненный жуткого величия могильный пик в вышине. Но больше всего он любил людей.

Однако даже больше их, больше собственной жизни и всего, что она сулила ему, он любил синеглазую девушку, которая пришла к нему из унылой хижины Джеда Хокинса.

Позабыв о своих преследователях, забыв обо всем на свете, кроме нее, он наконец вернулся в тюремный мрак своего убежища под скалами, и, после того как Питер выкопал себе уютную ямку в песчаном ковре, оба крепко уснули.

Проснулись они на рассвете. Но и в тот день, и в следующие два они покидали свой приют только ночью, да и тогда не выходили за пределы окружающих скал. Роджер назвал это место Духовкой, и оно вполне заслуживало такое название в полуденные часы и во вторую половину дня.

Тут было жарко – так жарко, что издали казалось, будто это нагромождение белых скал плавится и тает в раскаленном мареве июльского солнца. Веселый Роджер заверил Питера, что сюда не сунется ни человек, ни зверь – разве что сумасшедший или совсем уж несмышленная тварь. Тем, кто смотрел на их временное укрытие с зеленой равнины между Гребнем и лесом, оно вряд ли могло показаться особенно заманчивым. В незапамятные времена земля в видимом раздражении извергла из своих недр этот каменный хаос, и Веселый Роджер сообщил Питеру, что, по его мнению, Провидение в ту минуту, несомненно, пеклось именно о них, хотя оно задумало и осуществило извержение за сотню-другую тысячелетий до их появления на свет.

К вечеру третьего дня Веселый Роджер решил, что настало время действовать.

Весь день солнце с безоблачного неба палило по скалам Духовки из всех своих орудий. И даже теперь, на закате, над ними еще плавал и курился невыносимый зной. Огромные каменные массы накалились и обжигали кожу при случайном прикосновении, а воздух между их серо-белыми стенами казался густым и горячим, как дым.

Хотя с равнины Духовка и выглядела суровой и непривлекательной, тот, кто, не испугавшись солнечных ожогов, рискнул бы взобраться на господствовавший над ней утес, который вздымался на сотню футов вверх у конца Гребня, был бы вознагражден за свои старания. Внизу, уходя к дремучему лесу, простирались зеленые и золотистые луга, усеянные сверкающими озерами, которые нередко были обрамлены темной бархатистой зеленью сосен, кедров и елей. На полпути между подножием Духовки и этим пиком прятался скрытый от всех глаз тайник, который отыскиали для себя Веселый Роджер и Питер.

Как ни накалялись окружающие скалы, там всегда веяло прохладой подземных пещер. Два огромных утеса сомкнули над ним свои плечи, точно два сказочных великана, образовав узкий сводчатый проход в человеческий рост высотой, куда не проникали солнечные лучи.

Когда Питер освоился с окружающей мертвенностью, он решил, что им тут живется не хуже, чем в хижине индейца Тома. Днем он с удовольствием валялся на мягком песке, а вечером наслаждался тихим уединением их неприступной крепости. Он, разумеется, не понимал, что означало их бегство от Кассиди, но, руководимый инстинктом, охранял их убежище с неизменной бдительностью. Охранял от всех существ на свете.

От всех, кроме Нейды. Не раз он принимался тихо скулить, тоскуя по ней, почти как сам Роджер. И в этот третий вечер, когда жаркое июльское солнце уже почти касалось зубчатой полосы западного леса, Питер и его хозяин с одинаковой жадностью глядели на восток, туда, где за стеной Гребня Крэга укрывалось жилище Джеда Хокинса.

– Мы скажем ей все сегодня, – объявил наконец Роджер Мак-Кей с задумчивой решимостью. – Мы рискнем и расскажем ей все.

Щетинистые баки Питера, торчавшие по сторонам его морды, как маленькие веники, сочувственно задергались, и он завилял хвостом, разметая песок. Питер, без сомнения, был величайшим лицемером, потому что неизменно притворялся, будто понимает все, что ему говорят, даже в тех случаях, когда не понимал ничего. И Веселый Роджер, не отводя взгляда от серой стены у выхода из их приюта, продолжал:

– Мы должны быть с ней честными, Хромуля. Скрывать от нее правду – преступление хуже убийства. Если бы она не была таким ребенком, Питер! Но ведь она еще маленькая девочка, самая милая и чистая душой, и нельзя ее дольше обманывать, как бы мы ни любили ее, Питер. А мы ее любим, Питер, больше всего на свете.

Питер лежал не двигаясь и наблюдал за непривычно угрюмым лицом Веселого Роджера.

– Мне придется сказать ей, что я грабитель с большой дороги, – добавил Роджер после недолгого молчания. – И она этого не поймет, Питер. Не сумеет понять. Но все равно я ей скажу. И сделаю это сегодня же. А потом... думаю, мы очень скоро отправимся на Север, Хромуля. Если бы не Джек Хокинс...

Он поднялся с песка и сжал кулаки.

– Все-таки нам следовало бы убить Джеда Хокинса перед уходом. Так было бы безопаснее для нее, – закончил он.

Забыв про Питера, Роджер вышел из их убежища и стал подниматься по каменной осыпи, пока не взобрался на верх громадной скалы. Там он остановился и устремил взор на необъятную глушь Севера. Перед ним на сотню... на пятьсот... на тысячу миль раскинулся его край. Да, там был его дом – от Гудзонова залива до Скалистых гор, от Водораздела до арктической тундры, и там он жил полной жизнью, следуя только своему собственному кодексу. Он знал, что любит жизнь так, как не многим дано ее любить. Он поклонялся солнцу, луне и звездам – всему этому миру, где было так хорошо жить, хотя ему самому непрерывно грозила гибель.

Но теперь, когда он стоял, озаренный лучами заходящего солнца, его сердце исполнилось безысходной тоской. На мгновение ему улыбнулось счастье, и поэтому он лгал – лгал тем, что молчал. Он не сказал приемной дочери Джеда Хокинса, что он разбойник и пришел в эти обжитые места, рассчитывая, что тут королевская конная полиция не догадается его искать. И сегодня вечером он, вероятно, увидит ее в последний раз в жизни. Он скажет ей правду. Он скажет ей, что его разыскивает полиция всего канадского Севера. И в эту же ночь он отправится с Питером к Голым Землям, лежащим отсюда за тысячу миль. Он знал, что не отступит от принятого решения, знал, даже несмотря на то, что темная полоса леса растаяла, заслоненная бледным девичьим лицом с васильковыми глазами и каштановыми кудрями, полными солнечного блеска, – лицом, дороже которого для него не было ничего. Да, он был уверен в себе, как ни искушало его это видение. Он был разбойником, за ним гналась полиция, но...

Питера продолжала тревожить мрачность хозяина. Когда смерклось и в долине сгустилась мгла, Мак-Кей начал выбираться из скалистого лабиринта. Через час они уже осторожно шли по темной расселине, рассекавшей Гребень. В хижине горел огонь, но окошко Нейды было темным. Питер припал к земле, повинаясь ладони Роджера, которая предостерегающе легла на его спину.

– Я пойду один, – сказал Роджер. – Жди меня тут.

Питеру казалось, что он ждал в темноте очень долго. Он не слышал тихого «тук-тук-тук», когда пальцы его хозяина легко забарабанили по стеклу темного окошка. Но и Роджер не услышал никакого ответа на свой сигнал, только в соседней комнате кто-то продолжал говорить глухим, монотонным голосом. Он простоял под окном Нейды полчаса, время от времени вновь постукивая по стеклу. Наконец дверь внутри комнаты открылась, и на фоне светлого прямоугольника появилась фигура Нейды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.